

НАТАЛЬЯ ШЕРБА

ЧАСОДЕИ

ЧАСОВОЙ КЛЮЧ

Annotation

Василиса - обычная земная девочка, живущая с бабушкой, - неожиданно узнает, что ее отец - влиятельный маг Эфлары, мира, построенного на особой часовой магии. Попав в страну часодеев, фей и лютов, Василиса оказывается в центре опасной игры. Даже друзья не могут понять, кто же она сама? Неумеха, ничего не знающая о своем происхождении? Шпионка, посланная отцом, чтобы заполучить трон? Или могущественная часовщица, которая умеет управлять временем и может спасти Землю и Эфлару от грядущего столкновения?

Наталья Щерба

Часовой ключ

Предисловие

Уроливой и страшной казалась высокая брыла – жуткий обломок камня, торчащий посреди темного леса.

Чертовая скала считалась проклятым местом. Если кто по случайности забредал сюда – тут же поворачивал, еще долго чувствуя на себе пристальный взгляд высокого камня. Пробегал суетливо зверь, пролетала, быстро хлопая крылом, птица, и вновь воцарялась тишина в необычном, будто бы зачарованном лесу.

Мужчина, усевшийся на полузаросший мхом валун, заинтересовал лесных обитателей – давно здесь человека не видели.

На нем был строгий костюм и туфли, начищенные до блеска, – даже удивительно, как это он не измазал обувь грязью лесных дорог?

Он не сводил глаз с трещины, рассекавшей брылу до самого верха, и словно ждал, что камень не выдержит и расколется надвое. Иногда странный человек посматривал на небо: вечерело, на землю опускались длинные серые тени.

Внезапно подножие камня окутал легкий сизый туман и побежал ручейками по поляне. – Наконец-то! – облегченно сказал мужчина, приподнимаясь. – Здравствуй, Елена.

Из туманной дымки выступил темный силуэт. Женщина откинула капюшон широкого фиолетово-черного одеяния, блеснули лунным серебром белокурые волосы.

– Приветствую тебя, Нортон, – тихо сказала она и, щелкнув пальцами, сделала едва заметное круговое движение.

В воздухе, прямо над ними, зажглись полукольцом мерцающие огоньки, как на обычной комнатной люстре.

– Ты странно выглядишь, – продолжила прибывшая.

– Так в этом мире выглядят все богатые и уважаемые люди.

– На Остале принята чудная форма одежды. – Она с удивлением разглядывала собеседника.

– Надеюсь, ты побеспокоила меня по более достойному поводу, чем разговоры о моде?

– Прости, Нортон, – спохватилась женщина. – Я пришла рассказать новости. Часовой мир волнуется, даже феи согласились на короткие переговоры. Как ты понимаешь, разговор будет о Ключах... Орден ждет твоего возвращения.

– Эти новости я давно знаю.

Он приблизился, наклоняясь к ее лицу так, словно опасался быть услышанным еще кем-то, будь то человек, зверь или птица.

– Что на самом деле тревожит тебя, Елена?

– Как и всех – притяжение двух миров. – Судя по голосу, его собеседница занервничала.

– Притяжение? – Мужчина резко выпрямился. – Поглощение, Елена. Называй вещи своими именами: один мир скроет другой, потому что разрыв времени, столь заботливо проделанный древними часовщиками, чтобы разделить Землю на две равные части, стремительно сокращается. Один мир умрет. Исчезнет, растворится в пустоте. Обратится в нуль. Люди, города и леса, знания, накопленные тысячелетиями, – ничего не будет, как будто и не было никогда. Мир-тень навеки уйдет в прошлое. Останется та земля, которая настоящая. Эфлара или Остала – любопытно, кто из двух окажется сильнее?

– Нортон, перестань. – Она поднесла кончики пальцев к вискам и замотала головой,

будто бы отгоняя страшное видение.

– Елена, – его голос стал более ласков, – нам незачем переживать, ты прекрасно знаешь – наш замысел вскоре осуществится. Всего лишь надо подождать, пока меня перестанут считать «преступником».

– Да-да, срок твоего наказания исходит четвертого мая... Ровно через год ты сможешь вернуться. В то же время, когда ты проведешь испытание на степени для своих детей... Великий день.

– Да, великий... – эхом отозвался мужчина. – И-и, Елена?

Она нервно сплела пальцы в замок, по всей видимости не решаясь задать следующий вопрос. Но вскоре продолжила:

– Нортон, я хочу знать, что ты решил с фейрой?

Тот ответил не сразу.

– Так вот что тебя волнует... Вот почему твое прекрасное лицо такое хмурое. Я хотел бы забыть о ней, но ты, видимо, не дашь сделать этого.

– И другие не забудут, – горячо возразила женщина. – Если у нее обнаружится высокий часодейный дар, она может унаследовать все твои земли, твой замок, а еще... Ты понимаешь, о чем я. Право рождения нельзя отменить. Только, хм, одним верным способом.

– Да, это так.

– Нортон, ты должен избавиться от нее, – настойчиво произнесла женщина. – Орден требует этого. Все ждут твоего решения.

Он усмехнулся.

– Орден? Или этого требуешь ты, Елена?

– Я всегда буду делать только то, что ты скажешь, Нортон...

– Я помню об этом, – сухо оборвал он, – и ценю твою верность и преданность.

– Позволь мне разобраться с ней, – горячо зашептала женщина. – Она не будет долго мучиться.

– Сомневаюсь... Елена, ты излишне кровожадна. И не любишь фей. Такие милые, красивые создания.

– С острыми крыльями, – прошептала та с ненавистью и зачем-то коснулась груди. – Я не успокоюсь, Нортон, пока в мирах существует хотя бы одна фея...

– Вот как?

Она судорожно вздохнула, подавляя ярость.

Мужчина хмыкнул.

– Меня всегда удивляло, – протянул он, – почему часовщики и феи так ненавидят друг друга. Неужели дело в разной форме крыльев? Или в их количестве?

Женщина дернулась, но промолчала.

Нортон скрестил руки на груди, поднимая взгляд на темное небо, усеянное мерцающими точками далеких миров.

– Она живет здесь, на Остале, среди обычных людей, – продолжил он, не отрывая глаз от мигающих небесных огоньков. – Возможно, она простая фейра. Я никогда не видел дочь.

– Избавься от нее! – продолжала настаивать Елена. – Маленькие проблемы становятся большими, и зло должно убиваться в корне.

– Елена, Елена, – покачал головой Нортон, – чтобы узнать, есть ли у нее часодейный дар, мне придется взять ее в дом, назначить часовое испытание... Это риск.

– Но если фейра пройдет испытание, как ты поступишь с ней? – продолжила Елена

взволнованно и тоже посмотрела на небо.

– Она никогда не будет часовать, – повысил голос мужчина. – Никогда. Я не переживаю из-за наследования по праву часового дара. Потому что верю в сына... У него должна быть высокая степень, я чувствую.

– Позволь мне это сделать, – вновь прошептала Елена и, склонив голову, встала перед мужчиной на одно колено. – Позволь мне убить ее. Пока зло не стало большим.

Внезапно поднялся ветер, заскрипели сосны. Казалось, молчаливый лес ожил, зашелестел темными кронами, зашептал в отчаянии, пытаюсь заглушить то, что должен был ответить мужчина.

– У меня есть любопытный план, – тихо, но отчетливо произнес он. – Если задуманное осуществится, то я отдам тебе право решать ее судьбу. Но поклянись, что до моего приказа ты и пальцем ее не тронешь.

– Хорошо, я клянусь, – тихо, но твердо сказала Елена.

* * *

...В спортзале царила знойная духота. Ребята очень устали – тренировке давно пора закончиться, но не тут-то было.

– Миша, ну кто так делает! Сделай дорожку с боковым сальто еще раз. – Немного полноватая тренер необычайно резво вскочила с лавки. – Ты как тюлень в цирке, ей-богу! Всем остальным присесть, сколько повторять!

Повторять и не надо было: ребята охотно расселись на лавках, немного сочувствуя нескладному Мише, вновь занявшему место на краю площадки. Мальчик разбежался, сделал два колеса подряд, злополучное боковое сальто и опять закончил его приземлением на пятую точку.

– Миша, Миша, – покачала головой неутомная тренер, – если так дело и дальше пойдет – можешь забыть о летнем спортивном лагере... Василиска! Покажи, как надо.

С лавки поднялась невысокая худенькая девочка с двумя темно-рыжими хвостиками и неуверенно прошла к краю площадки. Внезапно она резко выпрямилась, легко разбежалась и сделала то самое боковое сальто, а потом еще и сальто вперед.

– Вот, – одобрительно кивнула тренер, – бери пример.

– Я так никогда не смогу, – уныло возразил Миша. – Не та комплекция.

– Не повод! Диета и еще раз диета. Это касается всех! Кто не соблюдает правильный режим питания сейчас, теми я займусь в летнем лагере! Так, уже давно пора перейти к показательным выступлениям... Пожалуй, прогоним по разу и хватит... Тихо-тихо! – Тренер замахала руками на протестующих ребят. – Давайте наше трио хотя бы выступит... Инга, Светлана, Василиса, вперед!

Три спортсменки застыли в центре площадки в исходной позиции: полусогнутые руки вверх, спина прогнута, правая нога чуть выдвинута на носке. Василиса находилась на шаг впереди, потому что была ниже всех.

Зазвучала бойкая мелодия. Композиция выполнялась синхронно, с лиц гимнасток не сходили обворожительные улыбки. Казалось, девочки просто танцуют.

– Хорошо, молодцы!.. Инга, прыжки немного тяжеловаты, Света, у тебя с поворотами проблема – поизящнее вращение делай, поизящнее! Василиса, – тренер положила руку на

плечо раскрасневшейся девочке, – у меня к тебе лишь одно нареkanie: подстриги волосы, а? Ты скоро в них запутаешься.

– Нет, не запутаюсь, – непреклонно заявила та, опуская голову, – мне так нравится.

– Ладно-ладно, – сразу сдалась тренер, – хозяин-барин. Кстати, Василиска, важная новость: я договорилась насчет тебя. Городской оргкомитет оплатит пребывание кое-кого в спортивном лагере – путевка на твое имя уже лежит у меня в кармане.

– Спасибо, Ольга Михайловна, – смутилась девочка. – Не надо было...

– Надо было, надо! – жестко отозвалась тренер и огласила, к великой радости подопечных: – Все, детки, на сегодня хватит... по домам!

– На час тренировку задержала! – возмущались девчонки уже в раздевалке.

– Смотри, как стемнело, моя мама волнуется, – больше всех бунтовала Инга – светловолосая девчонка шестнадцати лет, самая старшая в школьной сборной.

– Еще и по показухе прогнала!

– Просто Ольга хочет выиграть соревнования между спортивными лагерями, – не выдержала Василиса. – Она ведь больше всего на свете хочет видеть летний Кубок у себя на полке в учительской.

Инга сразу же обернулась: она недолюбливала Василису Огневу, втайне завидуя ее успехам и чрезмерному, как ей казалось, вниманию со стороны тренерши. Ей и невдомек было, что та стала КМС – кандидатом в мастера спорта – в свои неполные тринадцать лет, потому что все свободное время старалась посвящать гимнастике, – только бы в квартиру не возвращаться...

– Ну, конечно, тебя ведь дома никто, кроме кошек, не ждет, – зло бросила Инга, сощурившись. – Ты могла бы вообще ночевать в спортзале. Все же лучше, чем в интернате, где ты скоро окажешься.

Некоторые девочки, подружки Инги, захихикали. Василисины щеки мгновенно вспыхнули: когда она начинала хоть чуточку волноваться, сразу же краснела, как ни старалась это скрыть.

– Не всем везет родиться в богатой семье, – тихо ответила она. – Сразу видно, тебя хорошо кормят.

Это был удар ниже пояса: Инга считалась немного полноватой для гимнастки, и оттого некоторые прыжки удавались ей с трудом.

Инга, застегивавшая босоножку, выпрямилась и сразу же оказалась на голову выше Василисы.

– Что ты сказала?

– Что слышала!

Неизвестно, чем бы это закончилось, но дверь раздевалки резко отворилась и в проеме показалась вихрастая мальчишечья голова.

– Василис, тебя еще долго ждать?

Ответом был дружный девчоночий визг. Мальчишка, сконфузившись, исчез.

– О, у нас дружок есть! Может, он и приютит тебя? – попыталась уколоть Инга, но вышло как-то вяло.

Все знали, что это сосед Василисы – Леша, с которым она живет в одном подъезде и потому возвращается вместе с ним с тренировок. Конечно, посмеивались над ними, но что тут такого, если они дружат себе с детства да и все? Кроме того, над Лешкой – первым драчуном в школе – мало кто решался подшучивать. А кто решался – больше не шутил.

Василиса, наскоро похватав вещи и на ходу запихивая их в сумку, буркнула общее «Пока!» и стрелой вылетела из раздевалки.

Леша, ожидавший в коридоре, облегченно вздохнул:

– Ну, наконец-то! Я думал, ночевать здесь придется, пока ты выйдешь. Чего так долго?

– Ольга задержала, – нехотя ответила девочка. – Да еще Инга опять пристала, дылда! – И она вкратце описала то, что случилось в раздевалке.

– Не обращай внимания, она тебе просто завидует. – Леша пожал плечами. – Я тебе давно говорил – переходи к нам.

Леша занимался гимнастикой у-шу – спортивно-боевыми искусствами. Василиса не раз наблюдала, как он фехтует с мечом и шестом, а еще делает сложные комплексы упражнений, причем с довольно воинственным видом. По ее мнению, это была та же художественная гимнастика, только с оружием. Но Леша называл себя бойцом и очень гордился принадлежностью к ушуистам.

– Ты что, какая гимнастика?! – обычно возмущался он. – Это искусство боя! Хотя с твоей растяжкой и акробатикой ты бы сразу очутилась у нас в сборной.

Но Василиса, улыбаясь, говорила, что вместо меча ей вполне хватает мяча или палочки с лентой.

Вот и сейчас она лишь покачала головой и произнесла задумчиво:

– Правда, если я теперь попаду в интернат, неизвестно, смогу ли дальше заниматься гимнастикой...

Василиса жила с якобы троюродной бабушкой по маминой линии – Мартой Михайловной. Правда, еще лет в шесть девочка случайно услышала разговор бабушки с соседкой и узнала, что та не является ее родственницей и просто присматривает за Василисой по просьбе отца. Но даже после раскрытия этой «страшной тайны» она продолжала называть свою опекуншу бабушкой и делать вид, что ни о чем не догадывается.

Мама Василисы исчезла много лет назад. Марта Михайловна туманно отзывалась о ней, как о ветреной, легкомысленной красавице, нашедшей более подходящего мужа. Но при этом «бабушка» краснела и отворачивала глаза. Из чего маленькая Василиса сделала вывод, что опекунша говорит так по чьему-то наущению или чтобы отделаться от вопросов. Зато девочка точно знала, что отец ее жив и проживает за границей. Бабушка рассказывала, что он весьма занятой человек и работает в некой важной секретной фирме. И не пишет Василисе, чтобы не навлечь на нее беды. Возможно, говорила опекунша, он когда-нибудь приедет за дочерью, если уйдет с этой загадочной работы...

Сама Марта Михайловна слыла знаменитой на весь район кошатницей. Василисе иногда казалось, что к их подъезду сходятся хвостатые всей Земли. У Марты Михайловны в трехкомнатной квартире обитало более десятка верещащих «пушистиком» и около двух дюжин постоянно вертелись у порога. Сколько Василиса себя помнила, вокруг вечно находились кошки, за которыми приходилось убирать. А еще кормить, расчесывать и следить, чтобы они не дрались между собой.

Потому Василиса очень обрадовалась, что все-таки поедет в летний спортивный лагерь благодаря доброте и настойчивости тренерши – отдохнет от кошачьего царства.

В ту сказку, что отец когда-нибудь приедет за ней, Василиса перестала верить лет с восьми. И прекратила писать ему письма, когда нашла в шкафу под полотенцами толстую пачку: ни одно послание опекуншей отправлено не было. Скорей всего, после исчезновения мамы отец предпочел забыть о дочери – вот и вся «работа».

Василиса знала, что Марта Михайловна получала какие-то деньги, кроме пенсии. Раз в месяц опекунша посещала местное почтовое отделение и возвращалась с большими пакетами сухого корма и других кошачьих деликатесов. Для Василисы всегда имелась маленькая шоколадка. Кроме того, Марта Михайловна покупала обязательную бутылочку коньяка, которую вечером и выпивала, становясь очень сентиментальной: гладила Василису по голове, рассказывала истории из своей молодости, а потом засыпала и почивала целые сутки, а иногда и больше.

И вдруг Марту Михайловну хватил удар – сердце не выдержало: пропала ее любимая кошка Стрелка. Старушку отвезли в больницу, а что делать дальше с Василисой – решительно никто не знал.

Прошло две недели, и девочка по-прежнему жила одна в квартире. Соседка тетя Галя приносила еду и даже давала деньги на расходы, нарочито громко, на весь подъезд, жалея девочку и выдвигая планы по устройению ее дальнейшей судьбы. Лешка тоже не забывал приносить что-нибудь вкусненькое, но вот от его денег Василиса решительно отказывалась. Собственно, девочка потихоньку начинала подумывать, что, может, ее просто оставят в покое, и она будет жить как-нибудь сама – например, на настоящую работу устроится...

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Василиса глубоко вздохнула и радостно произнесла:

– Ольга сказала, что я точно еду в лагерь, представляешь?!

– Здорово! – обрадовался Леша. – Наша команда тоже едет. Тренер больше всего желает, чтобы летний Кубок стоял у него в учительской у всех на виду.

Они рассмеялись почти одновременно и от этого захохотали еще громче. И так, болтая о всяких мелочах, не заметили, как почти дошли до своего дома. Оставалось лишь пройти вдоль забора, ограждавшего детский сад, и...

– Эй, малявки!

Они обернулись. Ну надо же – Инга, и не одна, а со своим парнем – Витькой-боксером. У Василисы вмиг похолодела спина от нехорошего предчувствия.

– Мне кажется, рыжая-бесстыжая, ты забыла извиниться! – сладким голосом пропела Инга.

Витька, нагло ухмыляясь, подошел ближе.

– С чего это она должна перед тобой извиняться? – хмуро спросил Лешка, заслоняя собой подругу.

– А с того. – Глаза Инги сузились. – Уйди, малыш, не мешай... Рыжую давно пора проучить.

– Я не рыжая! – с вызовом ответила Василиса из-за плеча Лешки. – И извиняться не буду, дылда.

– Слышь, малявка!

Витька угрожающе хрустнул пальцами.

Он шагнул к ним, намереваясь щелкнуть Лешку по носу. Но тот опередил здоровяка: быстрым движением схватил его за предплечье, подставил подножку и повалил на землю.

К сожалению, это был лишь краткий миг превосходства. Витька взревел, с усилием перевернулся, и они с Лешкой покатались по земле. Разозленная Инга кинулась на Василису, но та успела отскочить в сторону, трезво оценивая свои шансы против здоровенных ногтей противницы, выставленных вперед. Надо сказать, дылде изрядно доставалось от тренерши за эти коготки.

На счастье, мимо проходила веселая и многочисленная компания, которая и растащила дерущихся за уши. Витька громко ругался, потому что некая девушка со стрижкой под каре принялась отчитывать его, пока один из парней держал горемычного за руки. Инга, не стыдясь, жалобно всхлипывала.

– В лагере мне не попадайся! – зло крикнула она Василисе и тут же запричитала: – Отпустите его, он больше не будет...

Благодаря тому, что на них больше никто не обращал внимания, Лешка и Василиса смогли тихо и незаметно улизнуть.

Добравшись наконец до своего подъезда, они встали под слабым, дрожащим светом фонаря, единственного работавшего на всей улице. Лешка первым делом ощупал нос.

– Фу, не сломан! – облегченно выдохнул он. – А то он меня, пока мы на земле были, лбом как стукнул!

Василиса неловко топталась на месте, чувствуя себя виноватой.

– Леш, извини... все ж из-за меня.

– Да ладно, – отмахнулся Лешка, – здорово подрались. А тебе, кстати, не помешало бы выучить пару приемчиков, а то совсем защищаться не умеешь.

– Вряд ли у меня что-нибудь получится...

– С твоей физической подготовкой – получится, – заверил Лешка. – Только это, боевой дух у тебя того... слабый очень.

Василиса не ответила. Но подумала, что если она собирается ехать в летний лагерь, надо действительно поднимать боевой дух: Инга там житья не даст.

– Ладно, пора домой.

Лешка первым нырнул в подъезд.

– Ну что, потом зайдешь? – спросила Василиса, когда они поднимались по лестнице и улыбнулась: – Кто за тебя алгебру решит?

– Ха, не все же такие умные, как ты. – Лешка ухмыльнулся. – Считаешь ты здорово, что и говорить.

«Еще бы!» – подумала Василиса, вспомнив о ежедневных упражнениях, которые давала ей Марта Михайловна. Иногда девочке казалось, что опекунша решила сделать из нее математического гения: каждый вечер Василиса решала задачи, чаще игровые или логические, но с обязательным применением чисел. И всегда у Марты Михайловны имелись наготове новые ребусы, откуда только она их брала? Но теперь опекунша была в больнице, и у Василисы появилось много времени... Даже Лешку можно было пригласить, потому что кошки неожиданно исчезли – ни одной больше не крутилось у порога. Странное и непонятное, но все же приятное событие.

Леша жил на пятом этаже, а Василиса – на четвертом. Потому они оба увидели приоткрытую дверь и услышали голоса, доносившиеся из бабушкиной квартиры.

– Ого, у тебя гости? – удивился Леша.

Сердце у Василисы екнуло. Ей вдруг почему-то стало страшно. Не понимая, что делает, она развернулась и со всех ног побежала вниз.

На улице стало легче: прохладный ветерок нежно дул в лицо, гладил воздушными ладонями по макушке, успокаивая.

– Василис, что с тобой? – Рядом оказался недоумевающий друг.

– Лешка, я туда не пойду.

– Да не волнуйся, ты чего?

Кто-то тронул Василису за плечо. Девочка обернулась – тетя Галя, ее соседка. Глаза женщины блестели от восторженных слез.

– Василиса, девочка моя, – пропела она. – Такая радость! Там твой отец...

Глава 1

НОВАЯ СЕМЬЯ

Большие часы на стене в библиотеке пробили шесть, когда Василиса перевернула последнюю страницу. Книга ей понравилась. Интересные легенды о феях, черных магах и даже рыцарях... Причем написанные в таком ключе, будто все это происходило на самом деле. Даже название у книги было соответствующее: «Несказочные истории». К сожалению, книг для подростков – например, о школе или спорте – в отцовской библиотеке не нашлось.

На длинных полках стояли огромные энциклопедии, плотно прижатые друг к другу, пестрели корешки старинных томов в красивых позолоченных переплетах, причем, судя по названиям, на разных непонятных языках. Василиса однажды взяла одну из таких книг – в бархатном переплете, с окованными медью уголками. Страницы были испещрены рукописными буквами, похожими на иероглифы. Конечно, Василиса не смогла прочитать ни слова и поэтому поставила тяжелый том назад на полку.

Кроме чтения, других приятных занятий в доме все никак не находилось. Да и библиотека была единственным безопасным местом в отцовском «поместье», как окрестила для себя Василиса огромный двухэтажный дом с большим садом и забором высотой в три метра. В доме было много красиво декорированных комнат, богатая, роскошно убранная гостиная, просторный холл с диванами и столиками, однако девочка предпочитала находиться здесь, среди молчаливых книг.

В тот злополучный вечер восторженная тетя Галя, сверкая глазами, сообщила: за Василисой приехал отец. Сложно сказать, что девочка почувствовала. Сначала закралось подозрение, будто ее разыгрывают, но соседка не имела склонности ни к плохим шуткам, ни к шуткам вообще.

Правда, оказалось, что это не сам отец приехал, а всего лишь его водитель.

Высокий, угрюмый мужчина, с длинными черными волосами, туго стянутыми в хвост, и странным белым шрамом на левой щеке, так и представился – господин Эрн, работает у господина Огнева. Он пошептался с тетей Галей, показал какие-то бумаги, и соседка, вытирая глаза платочком, помогла Василисе собрать необходимые вещи.

И вот уже три месяца прошло, как Василиса впервые появилась на пороге «поместья».

Девочка вспомнила, какое сильное впечатление произвела на нее шикарная двухэтажная громадина: дом, сверкающий яркими огнями, с большими широкими окнами и верандой, увитой плющом и виноградом. А этот великолепный сад с переплетением дорожек, густо посыпанных гравием, изящные кованые качели и ажурные беседки... Да, Василиса подумала, что спит или попала в сказку.

Но сказки не всегда бывают добрыми.

Возле дома ее встретила команда из четверых детей: мальчик и девочка, Норт-младший и Дейла (двойняшки четырнадцати лет) и два мальчика поменьше, Эрик и Ноель, девяти и восьми лет соответственно. Над ребятней возвышалась няня – очень худая, неприятная женщина с колючим взглядом маленьких бегающих глазок. Водитель поздоровался с няней и передал ей шефство над Василисой. Няня, холодно представившись госпожой Азалией, внимательно осмотрела девочку, словно собиралась поставить ее в гостиную в качестве вазы или повесить на стену как картину. После чего она скривилась и, развернувшись, знаком

приказала следовать за ней. Дети молча проводили новоиспеченную сестричку недружелюбными взглядами.

Комната для Василисы оказалась маленькой, но опрятной: справа возле окна стояла кровать, слева – небольшой столик и даже два стула, а в самом углу возле двери – низенький лакированный шкаф. На полу лежал круглый, грязновато-белого цвета коврик. Может, на чей-то придиричивый взгляд, комната была бедновата, но Василисе она показалась просто роскошной. И здесь вообще не было кошек!

Госпожа Азалия сухо сообщила, что ужинают в семье в восемь, а за опоздания наказывают.

За столом Василиса все более убеждалась, что в семье как-то не очень ей рады. Няня не обращала на девочку никакого внимания, дети по-прежнему кидали злобные взгляды, а младшие и вовсе показывали языки. Василиса мрачнела все больше.

А после ужина она впервые подралась с Нортом.

Братья и сестра поджидали ее в коридоре, все четверо. Василиса не успела ничего толком сообразить, как вдруг Норт молча размахнулся и ударил ее по лицу. От второго удара Василисе удалось уклониться, но убежать она не смогла: остальные дети заграждали проход. К счастью, появилась госпожа Азалия и, не говоря ни слова, забрала всех четверых, а Василисе пришлось добираться до комнаты самой.

Уже очутившись у себя, она прикладывала большую серебряную ложку, взятую без спроса на кухне, к распухшей скуле и размышляла.

Почему к ней так плохо отнеслись? Чем вызвано ужасное поведение братьев и сестры? Почему госпожа Азалия кривит губы, когда Василиса попадает в поле ее зрения? И почему этот Норт стал бить ее, ничего не объясняя?

Но никто, конечно, не давал ответов на эти вопросы, и оставалось только одно: подождать отца, который, как сообщила госпожа Азалия, находится в отъезде, но скоро будет.

Чем Нортон-старший занимается, Василиса не знала, но дела его приносили, по всей видимости, хороший доход. Семья жила богато, взять хотя бы штат прислуги: водитель, охранник, няня и еще несколько человек, убирающих в доме. Дети каждое утро ехали в частную школу, куда их отвозила и забирала после занятий госпожа Азалия.

Василисе разрешили ходить в прежний класс и даже посещать занятия по гимнастике, но теперь – при обязательном сопровождении господина Эрна. Впрочем, выехать за пределы ограды дома оказалось весьма непросто: приходилось проезжать двое ворот, а перед этим долго смотреть, как они медленно поднимаются. А еще госпожа Азалия строго-настрого запретила оглядываться и зорко следила за исполнением приказа.

Стоит ли говорить, что это было весьма странно. Когда Василиса выезжала с водителем и няней в школу, остальных детей уже не было – наверное, их отвозили раньше.

И все-таки, несмотря на эти неприятности, какво было видеть изумление одноклассников, когда Василиса стала приезжать на учебу на длинной черной машине, и дверцу ей открывал грозного вида шофер. Вся школа шумела, и даже учителя приставали к девочке на переменах, расспрашивая о новой жизни в отцовском доме.

И самое приятное – Василисе начали выдавать деньги на карманные расходы. Когда первый раз няня вручила ей хрустящую новенькую купюру, у девочки глаза полезли на лоб.

– Мне что, можно тратить все? – удивленно спросила Василиса, гадая, сколько новых пар джинсов можно купить на эти деньги да еще и отпраздновать данное событие.

Норт, который был поблизости, презрительно хмыкнул.

– О, наконец-то рыжая сиротка обзавелась деньгами! – язвительно сказал он и показал сестре неприличный жест.

– Каждый день я буду вручать тебе столько, – ответила ей госпожа Азалия, делая вид, что не заметила кривляний Норта-младшего. – И очень надеюсь, что ты сама сможешь о себе позаботиться.

Василиса радостно кивнула, игнорируя ухмыляющегося брата. После тот попытался отобрать деньги (няня все так же не вмешивалась в происходящее – как видно, Норт был ее любимчиком), а Василисе пришлось убежать от него и даже залезть на большой, раскидистый дуб, спрятавшись меж ветвей. Дерево выросло над домом, заслоняя густыми листьями окна Василисиной комнаты, поэтому в помещении всегда было темно. Зато по ветвям дуба, чуть-чуть не достававшим до оконного карниза, можно было незаметно забраться в комнату или, наоборот, спуститься в сад.

Обычно Василиса так и поступала, спасаясь от невыносимых братьев и сестрички, – Дейла к тому же была остра на язык и при каждой встрече выдавала очередную колкость.

В будние дни, ровно в восемь утра, у ворот Василису поджидал господин Эрн. Провожал до школы, вечером забирал, вез на занятия по гимнастике, а оттуда, когда к ним присоединялись госпожа Азалия с Нортом и Дейлой, домой. Весь ритуал происходил в совершеннейшем молчании, и Василиса потихоньку начала привыкать к постоянной опеке.

А вот Лешку господин Эрн раздражал ужасно.

– Слушай, этот тип так и будет все время за тобой таскаться? – спрашивал он как-то, косясь на мрачную фигуру водителя, постоянно маячившую поблизости.

Сегодня была суббота – полностью свободный для Василисы день. Норт, Дейла, Эрик и Ноель куда-то исчезали на все выходные. Во всяком случае, просыпаясь в шесть утра, девочка уже не заставала никого, кроме господина Эрна.

Василиса, накопившая за первую неделю приличную сумму, пошла с Лешкой по магазинам. Она наконец-то купила себе новенькие синие джинсы, кроссовки, тоненький свитер с вышитой на груди бабочкой и отличную спортивную форму.

Приобрели новый спортивный костюм и вяло сопротивлявшемуся Лешке, а также футбольный мяч и настоящие фирменные утяжелители на ноги для бега, о которых, Василиса знала, он давно мечтал. После чего Лешка, не слушая возражений, пригласил Василису поесть мороженое. И, поедая сливочные шарики в шоколадном креме, они радостно обсуждали покупки, почти не замечая присутствия господина Эрна, читающего газету на улице, а может, и притворяющегося, что читает.

– Ну что, твой отец уже приехал? Ты его видела? – спросил Лешка, как только одолел большую часть мороженого.

Надо сказать, он был в восторге, что Василиса неожиданно разбогатела, и видел в этом одни положительные стороны, ну разве что кроме появления в ее жизни братцев, сестры и мрачной фигуры Эрна.

– Нет, я его еще не видела. – Василиса задумчиво ковыряла ложечкой в вазочке. – Странно, да? Я даже толком не знала, точно ли у меня есть отец, жив ли он или давно умер...

– Странно, что он не примчался сразу же посмотреть на тебя, – не без резона заметил Лешка.

– Ему двенадцать лет не было до меня дела, зачем сейчас торопиться?

Возникло неловкое молчание.

– Как твой братец, не пристаёт больше? – спросил Лешка, меняя тему.

– Куда там! – Василиса махнула рукой. – Постоянно подкарауливает в коридоре, а еще эта Дейла! Да и младшие делают гадости, во всем старшего слушаются...

– Эх, увидеть бы этого Норта, – с сожалением сказал Лешка, зло прищурившись. – Поговорить бы с ним по-мужски.

– Это невозможно, – покачала головой Василиса. – Я бы вообще тебя с удовольствием пригласила. Знаешь, какой там сад! Но нельзя... И еще, – Василиса понизила голос, покосившись на фигуру Эрн, – у меня такое впечатление, будто я живу теперь под замком, как в тюрьме. Представляешь, в доме нет ни одного телефона, и я даже не могу тебе оттуда позвонить.

– Слушай, так тебе надо купить мобильник, – хлопнул себя по лбу Леша. – Как мы сразу не догадались!

– Если мне разрешат его иметь, – с сомнением покачала головой Василиса. Однако мысль о собственном маленьком телефоне ей понравилась.

К счастью, связь в доме была отличная, так что Василиса, запершись у себя в комнате, теперь могла долго переговариваться с Лешкой.

Но мысль о странном отцовском доме не давала ей покоя. Однажды Василиса специально пробралась к воротам, чтобы узнать, нельзя ли (вдруг пригодится?) самостоятельно выбраться за пределы «поместья». Немного покрутившись возле наглухо закрытых железных створок, девочка пошла вдоль забора, но так и не нашла другого прохода. Мало того, она не вернулась к воротам! Хотя была уверена, что обошла вокруг дома раза два-три.

За этим занятием Василису застал господин Эрн. Цепко ухватив девочку за плечо, он молча проводил ее до самой комнаты и коротко попросил не гулять больше возле ограды.

Было еще одно обстоятельство, и тоже довольно-таки странное... Однажды, проснувшись глубокой ночью, Василиса обнаружила, что стоит возле приоткрытого окна. На черном беззвездном небе сияла полная луна, а руки Василисы слабо и нежно светились в темноте. Она, как замороженная, сложила ладошки вместе – они наполнились голубыми и синими мерцающими искрами. Василиса встряхнула руками, и комната на миг осветилась фейерверком серебристо-синих огней. На какой-то миг девочке показалось, что через полотно света проблескивают цифры... А потом все исчезло. Василиса подумала, что ей это приснилось, но на следующее полнолуние хождение во сне и загадочные циферки – все повторилось вновь. Никому, даже Лешке, об этом Василиса не рассказывала, решила сначала сама разобраться.

Часы пробили семь. У-у-у, воспоминания совсем захватили Василису, а ведь давно пора выбираться из библиотеки.

Она сидела на своем любимом месте – на подоконнике, спрятавшись за малиновой шторой. Здесь она и читала всю ночь при свете маленькой свечи. В доме было проведено электричество и центральное отопление, но ими почти не пользовались, предпочитая свечи и камины. Госпожа Азалия любила повторять, что господину Огневу больше нравится живое пламя, а не жалкое подобие в виде электрических ламп.

Василиса собралась вылезти из своего укрытия, чтобы, как всегда, немного поразминаться с утра в библиотеке – надо было готовиться к лету, тренер не даст спуска. Правда, пустят ли ее в летний лагерь на целых три недели? Об этом Василиса пока предпочитала не думать.

Но тут из коридора донесся шорох. Кто-то возился под дверью.

Василиса насторожилась. В следующую секунду дверь начала медленно отворяться и девочка услышала приглушенный шепот Эрика:

– Ну и где рыжая? – Кажется, он был немного разочарован. – Ты же говорил, здесь будет?

– Да здесь она, прячется где-то... – тихо ответил ему Норт. – Даю сто процентов.

Дверь захлопнулась. Но Василиса знала, что братья все еще находились под дверью.

– Да спит она, – протянул Эрик. – Вечером подловить стоило...

– Нет ее в комнате, я проверял. – Норт сделал несколько шагов к малиновой шторе, где пряталась сестра. – Вылил ей в сумку случайно целую банку клея!

Услышав такое, Василиса чуть не задохнулась от возмущения. Только она хотела выскочить из своего укрытия, как ей пришло в голову, что братец, скорей всего, блефует. Поэтому девочка осталась на месте.

Тем временем мальчишки приблизились почти вплотную к шторе.

– Нет ее здесь, – уверенно произнес Эриков голос. – Она наверняка в саду гуляет. Опять сальто всякие делает.

– Как обезьяна в цирке, – презрительно сказал Норт.

Василиса крепко стиснула зубы, чтобы не ответить: не очень-то хотелось скандалов с самого утра. Она намеревалась попросить господина Эрн отвести ее в город, чтобы встретиться с Лешкой.

– Зато видал, как она по дереву лазит? – Эрик присвистнул. – Я видел, как она выбиралась из своей комнаты. Еще прыгала по веткам, как...

– Обезьяна, – опять вставил Норт. – И почему эта рыжая должна жить с нами? И как раз перед самым испытанием? Что-то здесь не то...

Василиса наострила уши. О чем это он? Но братец замолчал. Зато Эрику, видать, не терпелось поговорить о новоиспеченной сестрице:

– Я слышал, как Эрн говорил нашей Азалии, что девчонка делает отличные успехи в гимнастике...

– Глупое, бессмысленное занятие, – опять оборвал брата Норт. – Я вот думаю о другом... Неужели отец хочет, чтобы она жила с нами и ТАМ?

Вновь заскрипела дверь. Послышались тяжелые, мерные шаги.

– Что вы делаете в библиотеке? – раздался спокойный, равнодушный голос. – Вам больше не на что потратить субботнее утро? Норт?

Сердце Василисы тревожно сжалось. Кто это?

– Мы искали рыжую, папа...

О нет...

– Она сюда часто приходит.

Василиса тут же устыдилась своего скрюченного положения. Но что же делать? Как выбраться незаметно, чтобы встретиться наконец с человеком, видеть которого Василиса желала с самого первого дня пребывания в этом ужасном доме. И даже намного-намного раньше...

– Норт, ты забыл, о чем я просил тебя? – В равнодушном голосе прозвучали холодные, металлические нотки.

По всей видимости, Норт тоже расслышал их, ибо проговорил как-то тускло:

– Да, отец. Я больше не подойду к ней ни на шаг.

– Я рад, Норт, что ты ведешь себя благоразумно. Скоро испытание, и твои мысли должны быть сосредоточены только на нем и ни на чем больше.

– Да, отец, – почтительно произнес не похожий сейчас на самого себя Норт. – Я очень хочу быть настоящим часо...

– В воздухе пахнет свечным угаром, – перебивая сына, произнес Нортон-старший. – И та штора, на втором окне, немного колышется... Прекрасно.

Воцарилось молчание. Василиса замерла от ужаса, мечтая только об одном – провалиться сквозь оконное стекло наружу.

– Вылезай.

Голос прозвучал негромко и спокойно, но у Василисы все похолодело внутри.

Она поняла, что раскрыта. Чувствуя, что предательски краснеет, Василиса отодвинула тяжелую штору и неловко спрыгнула на пол.

Мужчина, стоявший перед ней, был высок, худощав, но широк в плечах, светловолос. Серые с зеленым, как у Норта-младшего, глаза смотрели как-то сквозь, равнодушно. Почему-то Василиса совсем по-другому представляла отца: рыжим, синеглазым, веселым... Однако Нортон-старший являл собой полную противоположность придуманному образу.

– В моем доме не принято подслушивать, – произнес он, холодно оглядывая дочь с ног до головы.

Лицо с тонкими чертами приняло брезгливо-кислое выражение.

– Я так и думал, – морщась, жестко подытожил он. – Ты разве не знаешь, что подслушивать плохо?

– Я не подслушивала, – буркнула Василиса. – Я просто читала сказки.

Она еще держала книгу, вертя ее в руках и не зная, что с ней делать.

Некоторое время отец молча разглядывал ее, а потом вдруг вытащил из кармана пиджака листок и протянул дочери.

На краешке листка было написано:

«Василисе».

– Я нашел это в твоей комнате на столе, – произнес отец. – Прочитай.

Василиса, недоумевая, развернула записку. Поведение отца порядком озадачило ее: не так она представляла себе их встречу. Неужели он ее даже не обнимет?

«Василиса, будь вечером в библиотеке, мне нужно поговорить с тобой. Эрик».

– Что это значит?

Василиса передернула плечами.

Откуда она знает? Возможно, очередной обидный розыгрыш. Раньше никто из братьев не писал ей записок.

Норт заинтересованно поглядывал то на отца, то на Василису, зато Эрик стоял бледный и испуганный. Он неловко переминался с ноги на ногу.

– Ты часто бываешь здесь, в библиотеке? – продолжал спрашивать отец, делая вид, что не замечает, что творится с младшим сыном.

Василиса раздумывала, как лучше ответить: в глазах отца блестели недобрые огоньки, и она не хотела разозлить его еще больше.

– Она бывает здесь каждый день, – ответил за нее Норт, криво ухмыляясь. – Когда не в школе или на своих дурацких гимнастических занятиях.

– А что мне еще делать? – начиная злиться, отпаривала Василиса. – Нельзя же выходить на улицу...

– Хорошо, – оборвал ее отец. – Эрик, Норт! Может, вы что-то знаете?

Норт отрицательно покачал головой. Эрик опустил голову.

Нортон-старший вновь повернулся к Василисе.

Долгую минуту он вглядывался в ее лицо, словно желая получить ответ на невысказанный вопрос. После, очевидно, приняв некое решение, цепко схватил дочь за плечо и повлек за собой к выходу. Норт-младший проводил их торжествующим взглядом.

Они сошли вниз по широкой лестнице, спускающейся в холл, и встретили на пути госпожу Азалию. Та, не обратив на бедственное положение Василисы ровно никакого внимания, низко поклонилась Нортону-старшему.

Отец с дочерью вышли из дома и пошли по узкой извилистой дорожке, густо посыпанной черно-белым гравием, все более углубляясь в сад. Остановился Нортон-старший только возле неприметного сарайчика. Эта часть сада казалась самой заброшенной – трава росла по пояс, скрывая маленькую постройку почти на половину высоты двери.

– Пришли, – произнес Нортон-старший, отпуская плечо дочери. – Тебе придется провести некоторое время здесь. Скажем, до вечера.

– Но в чем я провинилась? – краснея от несправедливости, выкрикнула Василиса. – Я не хочу туда, ясно?!

– В моем доме заведены определенные порядки, – сказал на это отец, прищурившись. В глазах его промелькнула заинтересованность. Во всяком случае, сейчас он выглядел менее равнодушным.

– Считаю, что так и должно быть, – продолжил он, и лицо его вновь окаменело. – И еще... я запрещаю тебе появляться в семейной библиотеке.

– Но почему я должна сидеть здесь? – Василиса оглянулась на дощатое строение за своим плечом. – Может, лучше бы мне заняться уроками? Нам очень много задали в школе...

– Забудь о школе. И о занятиях. Теперь твоя жизнь сильно изменится.

– С чего бы это? – процедила Василиса, вновь позабыв о вежливости.

– Запомни одно простое правило, – сухо произнес Нортон-старший, следя за переменами на лице дочери. – Никогда не зли меня.

И отец, коротко размахнувшись, отвесил Василисе крепкую пощечину.

Девочка вскрикнула: щеку будто обожгло пламенем.

Нортон-старший быстро отпер дверь и толкнул дочь внутрь. Лязгнула задвижка, и он удалился. Василиса осталась одна в полной темноте.

– Ничего себе... – только и сказала она, осторожно ощупывая скулу: щека, казалось, распухла.

Да, не так она представляла встречу с отцом.

Ну где же хоть одна улыбка для нее, хоть один теплый взгляд? Какие еще возникают эмоции при встрече с родными людьми после долгой разлуки? Малейшее проявление интереса, симпатии, простого любопытства: где была, как жила, чем занималась? Вместо этого – холод, равнодушие, отстраненность, пощечина. При воспоминании о последней губы у Василисы задрожали.

Зачем ей такой отец? Не лучше ли было и дальше ничего не знать друг о друге? Кажется, его не очень-то обрадовала встреча с дочерью.

Прошло около часа, и Василиса ощутила, что сильно дрожит. Холодно... Все-таки май только начинается и разгуливать в тоненькой кофточке рановато. Если бы она знала, что ее запрут в сарае, то оделась бы потеплее.

Подумав об этом, Василиса хмыкнула. Движение отдалось в щеке легкой болью. Но тем не менее девочка попыталась сосредоточиться.

С чего вдруг Эрику вздумалось писать ей записки? Она заметила, как он испугался отца. А Норт выглядел изумленным и заинтригованным – значит, явно ничего не знал о записке.

Вздохнув, Василиса крепче обхватила колени руками. Ладно, со всем этим она позже разберется.

Но прошло около трех часов, а за ней так никто и не явился.

Василиса почувствовала, что глаза начинают слипаться – клонило ко сну. Ведь она целую ночь не спала – читала. И почему здесь так холодно...

... У нее были красивые огненно-красные крылья. Василиса взмахнула ими – вышло это абсолютно легко, будто она летала всю жизнь. Дивное, невесомое ощущение возникло в самой ее душе, поднимаясь легкими толчками, и вскружило счастьем голову. Василиса взмывала все дальше и дальше, ввысь, наслаждаясь удивительным чувством – радостью свободного парения.

Пушистые облака неожиданно сменились звездами, дружелюбно мерцающими вдалеке...

И вдруг в мягкой бархатной темноте вспыхнули тысячи огненных лестниц, они заслонили собою все небо. Василиса растерялась и не знала, куда же ей лететь: крылья опалил жар, идущий от пламени тысяч ступенек, стало трудно дышать.

«Давай, – прошептал в ухо мягкий шелестящий голос, – поскорей, осталось немного... совсем чуть-чуть, главное, выбери правильную дорогу!»

«Нет! – перебил голос другой, более резкий и грубый. – По лестницам из огня нельзя ходить! И кстати, разве она знает, куда идти?»

Раздался громкий неприятный смех.

Василиса вздрогнула и застыла в нерешительности, замерли неподвижно ее крылья.

«Не сдавайся!» – испуганно произнес первый голос.

Но девочка почувствовала, как ее понесло назад со страшной силой. Словно кто-то отматывал кадры на киноплёнке: мигающие звезды стремительно уплывали вдаль и таяли, превращаясь в чуждые бледнеющие точки, пока их совсем не скрыл густой серый туман, возникший неизвестно откуда. Туман лез в уши, рот, глаза – крылья потяжелели и намокли, пока совсем не обмякли. Руки-ноги Василисы задубели, словно скованные ледяной броней, она не могла пошевелить даже пальцами! Девочка падала вниз, словно камень, сорвавшийся с обрыва, – тихо, стремительно, неумолимо; и видела, как все быстрее приближается земля... Еще немного, и она разобьется! Так страшно, страшно! Холодно!..

– Мама! – закричала Василиса и проснулась.

Она лежала на охалке сена, свернувшись калачиком. Несмотря на это, девочка так закоченела, что зуб на зуб не попадал.

Снаружи потемнело – наступил вечер.

Василиса вскочила и начала размахивать руками и ногами, чтобы согреться. Она несколько раз подпрыгнула, но больно стукнулась о низенькую ветхую балку, вдобавок на нее сверху посыпалась труха.

Нет, так не пойдет... И девочка вновь уселась на солому, поджав под себя ноги.

Ну и странный сон ей приснился! Красные крылья, лестницы, голоса... Наверное, это от голода. А вот интересно, можно ли так летать в открытом космосе? Нет, там же нет воздуха... Хотя можно ведь научиться задерживать дыхание надолго? Честно говоря, плавала

Василиса неважно, а ныряла еще хуже. Но если лететь в вакууме, скажем, одну минутку, вполне можно научиться. Хотя постойте! В космосе наверняка жуткий холод, и, чтобы там выжить, нужна не только способность надолго задерживать дыхание.

Ее научные и не очень рассуждения были прерваны звуком приближающихся шагов – кто-то крался к сарайчику.

Василиса прислушалась. Шаги замерли у самой двери.

– Эй, сестричка! – Голос Норта раздался, словно гром среди ясного неба. – Ты там не замерзла?

Послышался то ли смех, то ли писк. Ага, значит, и Дейла здесь.

– Рыжая-рыжая! – затянул Норт.

Василиса подняла глаза к потолку и вздохнула. Опять то же самое! Она решила не отвечать. Может, ее кровным родственничкам вскоре надоест издеваться, и они уйдут восвояси?

– Если ты не хочешь с нами разговаривать, то мы не скажем, что велел передать тебе отец, – тоненьким голоском сообщила Дейла.

И Василиса не выдержала:

– Что? Что он велел передать?

– Отец просил сказать... – медленно начал Норт, – что ты... рыжая-бесстыжая дурочка!

Раздался дружный хохот. Кажется, здесь был и самый младший – Ноель... Интересно, Эрик тоже здесь?

Подождав, пока они успокоятся, Василиса настойчиво повторила:

– Так что же сказал отец? Или в твоём крохотном мозгу, Норт, не уместилась эта информация?

БАХ! Дверь сарайчика выдержала сильный удар снаружи. Василиса впервые обрадовалась, что та крепко заперта.

– Ах, как благородно, Норт, вызволять меня таким способом!

– Отец велел нам освободить тебя вечером, – прошипел Норт зловеще, – но госпожа Азалия сказала, что вечер долгий и нам можно не торопиться... Угадай, кого мы послушаем?

– Ну так и уберите к своей нянечке, маленькие детки!

Василиса расстроено плюхнулась обратно на сено. Так и знала, что ничего из этого разговора не выйдет.

– Ладно, не кипятись, – неожиданно произнес Норт примирительным тоном. – У меня есть одно предложение...

– Какое? – сразу насторожилась Василиса.

– Мы тебя выпустим, если ты расскажешь, от кого та записка и что в ней, – равнодушным голосом произнес Норт. Он кашлянул, стараясь скрыть истинные чувства. – Ну, что скажешь?

Мысли Василисы понеслись одна быстрее другой. Видимо, Эрик пока что ничего не сообщил брату о записке. Значит, это не розыгрыш...

– Она все равно не расскажет, – пропищала вдруг Дейла, – наврет нам сейчас с три короба...

– Нет, расскажу, – поспешила заверить Василиса. Мысль о возможном освобождении взволновала ее необычайно. – Только я почти уверена, что вам этого говорить не стоит.

Норт хмыкнул.

– Ты, главное, скажи! А мы уж сами решим, стоит или не стоит.

– Сначала откройте дверь, мне и так уже надоело кричать!

Василиса на цыпочках подошла к двери. В саду было очень темно, но через щели пробивалось слабое пятно света. Взяли с собой фонарик, что ли?

Снаружи шло совещание. Наконец Норт опять стукнул в дверь.

– Ладно, мы тебя выпустим... Только не вздумай убежать, – угрожающе предупредил он.

Луч света метнулся ближе. Послышался лязг открываемой задвижки.

Василиса поняла – сейчас или никогда.

Она изо всех сил толкнула дверь. Раздался чей-то хриплый вскрик и звон разбитого стекла. Василиса стрелой выскочила наружу, на ходу увернувшись от чьих-то протянутых рук, и, судя по писку, раздавшемуся где-то снизу, нечаянно сбила с ног Дейлу. После чего припустила к дому напролом через кусты и клумбы, ориентируясь только на свет, льющийся из окон, – такая была вокруг темнота. Василиса не обращала внимания на проклятия и угрозы, несшиеся ей вслед. Свобода!

Глава 2

ВХОД ЗА БОЛЬШИМИ ЧАСАМИ

Василиса вбежала по крыльцу в дом, пересекла холл и только-только занесла ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, как была схвачена за ухо.

Над девочкой возвышалась госпожа Азалия.

Василиса открыла рот от изумления: вряд ли бы кто-то сейчас узнал строгую няню. Она вырядилась в длинное вечернее платье, красное с золотом, с высоким кружевным воротником и глубоким декольте. Черные волосы, обычно стянутые в строгий пучок, превратились в пышную прическу, правда напоминавшую воронье гнездо. В таком виде госпожа Азалия казалась похожей на злую королеву из сказки.

– Куда, позволь спросить, ты направляешься? – сухо произнесла няня, пронзая подопечную колючим взглядом. – И где Норт, Дейла? Эрик? Ноель?

– Откуда мне знать, я за ними не слежу! – нагло ответила Василиса. – И попрошу вас больше не хватать меня за уши.

Няня переменялась в лице, но тут же справилась с собой.

– Ступай в свою комнату и переоденься, – сказала она строго. – И не забудь причесаться. Твои волосы надо остричь... Хотя зачем мне тобой заниматься? – добавила вдруг няня и холодно улыбнулась.

– Я и не прошу мной заниматься, – пробурчала Василиса.

– Иди и переоденься, – зло повторила госпожа Азалия. – Немедленно!

– Зачем мне это?

– У господина Огнева гости, – нетерпеливо пояснила госпожа Азалия. – Видишь ли, у твоего отца сегодня очень важное событие...

– Событие?

– Великое событие... – выдохнула няня тихо и печально.

Словно позабыв о Василисе, она развернулась и медленно, даже как-то величаво, пошла по коридору, ведущему в гостиную.

Девочка изумленно глядела ей вслед. Честно говоря, за все время это был самый продолжительный разговор Василисы с няней. Но и вела себя госпожа Азалия ну очень странно – почти как сумасшедшая.

Размышляя таким образом, Василиса помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

Интересно, что это за событие? Жаль, от няни ничего не добьешься... Ой! Как же Василиса сразу не подумала: надо срочно найти Эрика и расспросить его как следует! И о записке, и о странном событии.

Очувтившись в своей комнате, Василиса первым делом подошла к зеркалу. Вернее, к его жалкому осколку, прислоненному к стакану для карандашей, – остаток от когда-то целого овального зеркала, к которому Норт приложил руку. Госпожа Азалия так и не поставила новое, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было.

Из глубины осколка на нее смотрела ужасно растрепанная девочка в джинсах. Василисе было почти тринадцать, хотя из-за невысокого роста и тонкого телосложения можно было подумать, что ей нет и двенадцати. Ярко-синие, цвета васильков глаза казались еще больше

на ее худеньком остроносом личике; в слишком густых, темно-рыжих волосах застряло несколько соломинок. Хорошо, что хоть щека не хранила следов отцовской пощечины.

Нахмурившись, Василиса сдула со лба непокорную челку. Может, отец плохо к ней отнесся, потому что она совсем на него не похожа? То ли дело Норт: высокий рост, светлые волосы... Да и глаза у него такие же, как у Нортона-старшего – серо-зеленые.

Да, отец при первой встрече повел себя более чем странно. А вдруг он просто волновался перед сегодняшним вечером? Перед этим своим «событием»?

Ладно, решила Василиса, она пойдет на праздник. Спустится в гостиную к этим гостям, найдет отца и напрямую спросит обо всем. Надо же узнать, почему он так ужасно ее встретил! Во всяком случае, она не намерена больше терпеть издевательства Норты и Дейлы, да и госпожи Азалии тоже!

А ведь Василиса так надеялась: приедет отец и приструнит нахального Норты. Но стало еще хуже.

– Эй! – неожиданно раздалось над ухом. – Оттого что смотришь в зеркало, симпатичнее не станешь, рыжая.

Василиса вздрогнула и неловко повернулась, задев плечом зеркальный осколок. Он упал, звонко ударившись о пол, и брызнул во все стороны хрустальным дождем.

Дейла, а это была именно она, ехидно улыбнулась.

– К несчастью, – зловеще предрекла двойняшка. – Особенно, если ты сейчас же не спустишься вниз. Кстати, не советую попадаться на глаза Норте, он просто в бешенстве. Я-то, в принципе, на тебя не сержусь... Ну что, расскажешь о записке? – И Дейла с любопытством уставилась на сестру.

– А где Эрик? – Василиса тоже ждала ответа.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Да откуда мне знать? – первой подала голос Дейла. – Так что же тебе написали и кто?

– Я спешу.

Василиса кое-как пригладила разлохмаченные волосы. Ей совсем не хотелось разговаривать с Дейлой, и она уже сделала шаг к двери, намереваясь оставить сестру в комнате. Как вдруг заметила, что та смотрит на нее с изумлением и непониманием.

– Что такое? – хмуро обратилась к ней Василиса. Она еще не забыла, как ее не хотели выпускать из сарая.

– Ты что, – Дейла ткнула Василису пальцем, – собралась идти на праздник в э-этом?!

Василиса взглянула на свой наряд. На ней была сильно примятая кофточка и грязноватые джинсы – время, проведенное в сарае, не прошло для одежды даром. Василиса перевела взгляд на сестру: алый наряд из шелка – идеально отутюженные брюки и блузка – наверное, очень дорогой. А в высоко уложенных белых волосах еще и рубиновая диадема сверкает.

– Если хорошо попросишь, – Дейла насмешливо оглядела Василису с головы до ног, – отдам тебе что-то из своего, не очень новое... Но я, конечно, не обещаю.

– Знаешь, – произнесла Василиса с вызовом, – я пойду так.

– Не уверена, что отцу понравится... – начала было Дейла, но Василиса ее перебила:

– Не уверена, что у меня есть выбор, понятно?

– Отец просил передать тебе. – Со скучающим видом Дейла сунула Василисе в руки небольшой сверток, который до этого прятала за спиной.

– Что это?

Василиса недоверчиво оглядела сверток. Он состоял из простой бумаги коричневого цвета, перевязанной тусклой серой ленточкой, и внутри явно было что-то крупное. С опаской Василиса развернула хрустящую обертку и ахнула: внутри оказалось аккуратно сложенное платье из темно-синего атласа, с длинными лентами-завязками, и туфли такого же цвета, с большими серебряными пряжками.

Наконец-то и к ней прилетела добрая фея...

Платье было простое, без украшений, но совершенно новое, как и туфли.

– С чего это отец так расщедрился? – Дейла с удивлением разглядывала подарок. – У меня синего платья нет...

– Ты еще здесь? – обернулась к ней Василиса. – Выйди, я хочу переодеться.

– Только поторопись! – Дейла, поджав губы, еще раз кинула жадный взгляд на платье, но все-таки вышла.

Василиса быстренько переоделась. Ей вдруг подумалось, что она впервые надела платье – раньше всегда ходила в джинсах. Жаль, нельзя поглядеться в зеркало. Вот видела бы сейчас ее эта дылда Инга...

Единственное, Василисе не понравился большой бант, который следовало завязать сзади. Она с трудом проделала эту операцию со скользкими и непослушными лентами-завязками. Платье было все-таки немного детское и чудное, но все равно красивое. Наверное, отец думает, что ей сейчас десять лет, а не почти тринадцать.

Василиса хмыкнула.

Она с сожалением повертелась, пытаясь разглядеть себя и так и этак, постучала каблукми, отбивая дробь, и вдруг замерла: на полу, прямо возле носка левой туфли, блеснуло что-то синее. Девочка присела на корточки.

Перед ней лежала небольшая заколка-гребень в виде цветка, похожего на незабудку. В центре цветка сверкал крохотный голубой камешек, окруженный прозрачно-синими лепестками, Василиса замерла от восхищения – это была явно дорогая вещь. Наверное, заколка выпала из свертка, когда девочка разворачивала платье.

Василиса тут же прихватила синим цветком длинную челку и удовлетворенно вздохнула.

Ну все, теперь точно пора спускаться. Стараясь дышать ровно и не краснеть от волнения, Василиса тихонько вышла из комнаты.

Возле самых дверей гостиной стояло большое зеркало в ковanej узорной раме. Василиса не удержалась и заглянула в него.

Из зеркальной глубины на нее смотрела совершенно другая девочка: новое платье необыкновенно шло ей, лихорадочно блестящие глаза, казалось, приобрели еще большую синеву, а в длинных распущенных волосах загадочно поблескивал прекрасный цветок.

Василиса радостно прокрутилась вокруг себя. И тут же пространство вокруг нее озарилось тысячей сверкающих искорок, как будто разом взорвалось несколько десятков новогодних хлопушек. Эй-эй, сегодня же полнолуние! Приглядевшись, Василиса с изумлением увидела, что вокруг нее кружатся серебристые и золотые цифры. И даже огненно-красные!

Василиса отчаянно замахала руками, пытаясь унять разноцветье, но воздух еще больше замерцал. Цифры быстро кружились и весело подмигивали ей, как живые. Она в отчаянии всплеснула руками, но из ладошек вырвался на волю еще один веселый сноп цветастых цифр, причем алых заметно прибавилось.

Внезапно двери гостиной распахнулись, пропуская Эрика. Он остановился как

вкопанный: циферки закрутились и вокруг него.

– Это не я, – соврала Василиса и покраснела до кончиков ушей.

Судя по решительному виду, Эрик явно собирался начать разговор, но почему-то попятился и вновь скрылся в гостинной.

Радостное настроение исчезло, а вместе с ним пропали и разноцветные искорки. Василиса почему-то уверилась, что нехорошо, если кто-то проведает об этих ее фокусах. Ведь даже Лешке она ничего не рассказывала.

Из гостинной донесся взрыв хохота – кажется, там было очень весело. Василиса постаралась еще раз пригладить свои растрепавшиеся волосы и шагнула в комнату.

В гостинной действительно царило оживление. Василиса даже и не подозревала, что в отцовском доме происходят праздники подобного размаха. Гости пили шампанское из хрустальных бокалов, смеялись и разговаривали друг с другом, некоторые пары танцевали.

И вот что странно: раньше гостинная казалась Василисе намного меньше. Возможно, это из-за внезапно появившихся зеркальных стен? Но когда их успели поставить? И откуда взялись эти огромные хрустальные люстры с горящими свечами?

Зазвучала тихая, торжественная музыка, и танцующих пар стало больше. Отца нигде не было видно. Зато в углу, возле окон, Василиса заметила маленькие столики: на них выселись горки всевозможных сладостей на золотых и серебряных блюдах, стояли прозрачные кувшины с красными и желтыми напитками. Она вдруг вспомнила, что целый день ничего не ела. На девочку мало кто обращал внимание, и она без особых сложностей пробралась к желанному угощению.

Только Василиса схватила большое шоколадное пирожное с блюда, как вдруг кто-то сзади слегка взъерошил ей волосы. Василиса выронила лакомство обратно на блюдо и обернулась.

На нее смотрела высокая белокурая женщина в длинном бирюзовом платье, отделанном тонкими серебристыми кружевами по краю декольте и низу рукавов. Ее можно было назвать очень красивой, если бы не ледяной, словно застывший взгляд. Голубые глаза с узкими черными зрачками смотрели неподвижно, пристально, изучающе. Несмотря на приветливую улыбку, Василисе незнакомка совершенно не понравилась.

– Какая тут хорошенькая девочка! – Женщина опять взлохматила ей волосы. – Кто твои родители?

Василиса, смутившись, помотала головой.

– А, ты еще не прошла посвящение. – Незнакомка понимающе улыбнулась. – Все правильно, лучше не говорить, кто твои родители, особенно, если они высокопоставленные особы... Ведь они известные люди, да? Огнев не приглашает кого попало, со стороны... Какая-нибудь знатная фамилия?

Василиса улыбнулась: женщина явно хитрила.

– Послушай, даже если у тебя будет третья степень, – заговорщицки прошептала она, – считай, что ты заранее у меня в ученицах. – Женщина гордо выпрямилась.

– А вы кто? – с интересом спросила Василиса.

Незнакомка наградила девочку недоумевающим взглядом.

– Наверное, ты воспитывалась далеко от столицы, если не знаешь, кто я. – Она улыбнулась уголком рта. – Позволь представиться, малышка... Я – Елена Мортинова. Под моим крылом находится самая лучшая часовая школа – школа светлых часов. В ней изучают все часодейные искусства, включая мастерство «крылатого боя». У меня преподают лучшие в

мире учителя и... – тут женщина слегка понизила голос, – для самых одаренных учеников и учениц я открываю даже те секреты, которые эфларские часовщики считают запрещенными... Темное и древнее часодействие. Еще с тех времен, когда Эфлара и Остала были одной землей, до их разделения...

Василиса слушала, раскрыв рот.

«Ого, – пронеслось у нее в мозгу, – эта женщина – сумасшедшая... Что же мне теперь делать?»

Во всяком случае, лучше эту Елену не раздражать.

– Да-да, я вспомнила, отец мне рассказывал о вас, – вежливо сообщила Василиса, раздумывая, как бы отделаться от странной тетки.

Женщина рассеянно кивнула и вдруг погладила Василису по голове.

– У тебя очень необычные волосы, – тихо и как-то вкрадчиво сказала она. – Цвета красного золота... позднего меда и осенних яблок. И смазливое личико. Ты ведь уже знаешь, что красивым женщинам не обязательно прибегать к часодействию, чтобы добиваться своего? – Елена Мортинова кокетливо улыбнулась. – Но если они умеют плести эферы, о, тогда их сила становится просто огромной...

– Мужская сила все равно больше, – возразила Василиса, вспомнив про свои неудачные драки с Нортом.

– Глупышка! – Елена рассмеялась. – Женская сила в хитрости и изворотливости. А еще – в красоте. Поэтому, – Елена низко наклонилась к Василисе и заглянула ей прямо в глаза, – я отбираю для своего особого класса только самых симпатичных девочек, самых способных. Из моей школы выходят лучшие часовщицы мира.

Василиса потрясенно молчала.

– Ты сможешь быть лучшей, – продолжала женщина. – Так что подумай над моим предложением. И надеюсь, ты все-таки познакомишь меня с родителями... – Она улыбнулась.

От взгляда голубых глаз у Василисы мурашки побежали по коже. Девочка чувствовала некую смутную опасность, исходившую от Елены, – что-то было не так, что-то не нравилось в этой сумасшедшей. Внезапно взгляд женщины изменился, лицо стало нахмуренным и немного озадаченным.

– Послу-ушай, – протянула женщина и наморщила лоб, как будто пыталась что-то вспомнить. – Мне кажется, что я видела тебя раньше... У тебя глаза такие синие, и... Кто же ты все-таки?

– Вообще-то мой отец – хозяин этого... – начала было Василиса и осеклась.

Потому что женщина вдруг тоненько и пронзительно вскрикнула, так что несколько человек поблизости недоуменно обернулись.

Елена, однако, сразу успокоилась.

Она резко поднесла пальцы к голове, словно собралась хорошенько растереть виски, и теперь взирала на Василису с таким презрением и отвращением, которые только и способны выразить человеческое лицо.

– Великие силы, ты же феяра... – выдохнула Елена.

Василиса удивленно воззрилась на нее. Эта женщина все больше не нравилась ей.

Но та уже справилась с собой.

– Кто позволил тебе находиться в этой комнате? – отрывисто спросила она.

У Василисы перехватило дыхание. Она попятилась, отчаянно желая затеряться в толпе и

убежать от этой ненормальной.

– Елена, что здесь происходит? – раздался рядом ровный, спокойный голос.

Оказывается, подошел отец, и Василиса чуть не наткнулась на него. Из-за его спины выглядывала Дейла вместе с Нортом. Братец облачился в смокинг с бабочкой; он старательно прятал левую половину лица. К своему огромному удовольствию, Василиса заметила здоровый фиолетовый синяк у него под глазом: так вот кого она огрела дверью сарайчика! Заметив, что Василиса глядит на него, Норт скривился и показал ей кулак. Дейла мигом осмотрела сестру с головы до ног и сердито поджала губы.

– Это моя вторая дочь. – Нортон-старший равнодушно скользнул по дочери взглядом, однако на мгновение глаза его задержались на заколке с синим цветком.

Василисе показалось, что в его взгляде промелькнуло некое довольство. Может, своим дорогим подарком отец просил прощения? Но тогда это был странный способ: сначала наказывать неизвестно за что, а затем дарить подарки.

– Почему она находится здесь, Нортон? – Елена опять наградила Василису яростным взглядом. – Почему ты не запер ее где-нибудь?! Я не хочу видеть здесь фею! – Елена опять приложила руки к вискам, будто у нее сильно болела голова.

– Как быстро у вас меняется настроение, – произнесла Василиса, нахмурившись. – То вы приглашаете меня в свою школу, то не хотите видеть.

Лицо у Елены стало белым-пребелым, как у фарфоровой куклы.

– Забудь о школе, – прошипела она.

Норт наслаждался происходящим, радостно поглядывая то на Василису, то на Елену.

– Елена, ты приглашала Василису в свою школу? – Уголки губ у отца дрогнули. – Забавно...

– Очень мило сделать мне такой сюрприз, Нортон, – холодно произнесла Елена. – Я оценила твое чувство юмора. К слову... когда произойдет посвящение?

– Завтра в полночь, – ответил Нортон-старший.

Краем глаза Василиса заметила еще одного мальчишку, тоже с интересом прислушивающегося к происходящему. Он был ростом с Норта, но пошире в плечах да и постарше – лет шестнадцать-семнадцать на вид. Светло-пепельные волосы мальчишки были чуточку длинноваты и слегка вились, глаза на узком загорелом лице казались чернящими из-за широких темных зрачков. Он заметил, что Василиса смотрит на него, и ответил ей наглым, насмешливым взглядом.

– Ну, малышка, – Елена вдруг резко повернулась к Василисе и схватила ее за подбородок, – надеюсь, мы скоро с тобой увидимся, но уже не в бальной зале.

– Вы – чокнутая... – хрипло прошептала Василиса, ей было трудно говорить и даже дышать, ибо рука Елены крепко держала ее.

– Это ты – ненормальная!.. – яростно произнесла женщина и так сдавила подбородок Василисе, что девочка чуть не задохнулась.

– Елена, я бы хотел поговорить с тобой наедине. – Серые глаза Нортон-старшего полыхнули недобрым зеленым светом. – Ты уже пробовала шампанское? С Юга Франции...

– Мне сейчас не до шампанского, – отрезала Елена, но отпустила Василису. Девочка тут же закашлялась.

Нортон-старший требовательно взял женщину под локоть.

– Из гостиной ни на шаг, – бросил он детям и как ни в чем не бывало повел Елену сквозь толпу.

Многие останавливали их, пожимали руку Нортону-старшему, с чем-то поздравляли. Елена, казалось, забыла о Василисе и принялась мило щебетать с гостями.

– Как жаль, что она не задушила тебя! – Дейла радостно фыркнула.

Василиса не ответила: ей было обидно, что отец разрешил этой Елене издеваться над ней.

Норт недобро поглядывал на Василису и явно собирался сказать очередную гадость. Но вдруг к ней шагнул тот самый мальчишка, которого она заметила в зале.

– Меня зовут Марк, – представился он напыщенно. – Норт много рассказывал о тебе... – Мальчик насмешливо хмыкнул.

– Представляю, – процедила Василиса и, развернувшись, пошла к выходу.

Она решила закрыться в своей комнате и хорошенько обдумать происходящее. Похоже, эта женщина, Елена, не была сумасшедшей. А значит, стоило поискать в ее словах смысл.

В коридоре Василиса обнаружила, что вся компания последовала за ней. Вид ухмыляющегося Норта, фиолетовый синяк которого еще более усиливал зловещее впечатление, абсолютно ей не понравился.

– Невежливо уходить, когда с тобой разговаривают, – белозубо улыбнулся мальчик, который представился Марком. – Тем более, если ты – всего лишь фейра.

Норт и Дейла, находившиеся чуть позади него, расцвели улыбками.

– Она вообще ведет себя невежливо в последнее время, – процедил Норт и коснулся скулы, над которой горел синяк.

– А где Эрик и Ноель? – спросила Василиса, чтобы хоть что-то сказать. Она неожиданно вспомнила, что Эрик точно должен быть в гостиной.

– Ребятки давно спят, ибо это не их праздник. – Норт сделал шаг к Василисе.

Она открыла рот, но тут же захлопнула его: неужели Эрик пришел в гостиную без спроса? Может, чтобы поговорить с ней... Но почему он убежал, если хотел что-то сообщить? Хорошо бы немедленно найти Эрика, но как отвлечь этих троих?

– А почему ты здесь? – продолжал наступать Норт. – Ты все-таки будешь на посвящении?

– Я ничего не знаю, – раздраженно ответила Василиса, но вышло у нее как-то тоскливо. – И ничего не понимаю...

– Если отец подарил ей платье и пригласил сегодня в гостиную, – ввязалась Дейла из-за спины брата, – значит, она будет на посвящении.

– Ее нет в списках, – сказал Марк. – Я смотрел. Мне поручили отнести список Елене, и я... хм, краем глаза проглядел его.

– Какой список? – удивленно спросила Василиса.

– Список первочасников для школ, – ответил Марк не без ехидства. – Тех, что претендуют на Часовой Круг, сейчас же все помешаны на этих состязаниях... Наверное, все дело в том, что ты – фейра. Если это так, я тебе не завидую.

– Я не фейра, и вообще – я уже учусь в школе! – возразила Василиса.

– Забудь о той школе, – посоветовал Марк, криво улыбаясь.

Василиса ошарашенно посмотрела на него: мальчишка был третьим, кто советовал ей забыть о школе.

– Но мы пришли сюда не за этим, – внезапно сказал Марк, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. – Норт попросил меня научить тебя вежливости... – Он схватил Василису за руку и так крепко сжал, что у нее хрустнули пальцы. – Норт станет великим часовщиком. И

унаследует все состояние отца. Пусть он посмотрит, что нужно делать с теми, кто ведет себя плохо...

– Господин Эрн! – радостно выкрикнула Василиса.

Хватка Марка тут же ослабла, он выпустил ее руку и в замешательстве оглянулся.

– Никого нет... – зло начал он, но Василиса уже мчалась по коридору со всех ног.

Лестницу она преодолела в несколько прыжков.

...В библиотеке было тихо и спокойно. Сюда не долетал шум праздника, лишь мирное тиканье настенных часов нарушало тишину. За Василисой могла быть погоня, но вряд ли кто-то из них видел, что она спряталась в библиотеке. Как назло, в коридоре слышалась тяжелая, мерная поступь: сюда явно кто-то шел.

Василиса в панике оглянулась. Она не нашла ничего лучшего, чем спрятаться, как и утром, за той же самой малиновой шторой.

Чувствовала себя девочка прескверно: казалось, все вокруг сошли с ума, говорили и делали разные странности. Но так просто Василиса не сдастся. Она приготовилась дать отпор своим преследователям, гадая, что будет лучше: вцепиться в горло этому Марку или начать с Норта?

Скрипнула дверь. Василиса осторожно выглянула из-за шторы и чуть не вскрикнула от изумления: между шкафов с книгами шествовала целая процессия людей в длинных чернильно-фиолетовых накидках. Их лица скрывали широкие капюшоны, брошенные на головы. Люди прошли мимо девочки и остановились подле стены, где висели те самые большие часы с башенками, что иногда пугали Василису внезапным звоном. Казалось, они просто выстроились в очередь.

Внезапно тот, что стоял ближе всех к стене, вытянул руку по направлению к часам и негромко, но отчетливо произнес:

– Переход. Эфлара, замок Черновод. – Это был голос Нортон-старшего. – Разрыв времени: двадцать две минуты сорок секунд.

У Василисы перехватило дыхание.

Внезапно настенные часы дернулись всем корпусом: закричал натужно механизм, мелко задрожали стрелки на циферблате.

– Огонь! – негромко произнес Нортон-старший и тут же получил от одного из людей огарок в медном подсвечнике.

Фитиль вспыхнул желтым язычком огня. Нортон-старший поднес пламя к часам и некоторое время держал у основания большой стрелки.

И тут произошло нечто по-настоящему удивительное. Стрелка вздрогнула и понеслась по циферблату с неистовой скоростью. Одновременно с этим корпус часов начал вертеться вокруг своей оси; повинаясь быстрым поворотам, край циферблатного диска проходил сквозь стену, легко врезаясь в нее, словно раскаленный нож в масло.

Василиса хорошенько протерла глаза и даже поморгала для верности. Однако стало еще хуже: стена исчезла.

Абсолютно.

Вместо нее появилось нечто серое, густое и клубящееся, словно в комнату ворвался туман с предрассветного озера.

Нортон-старшего факт исчезновения стены не смутил; он, не раздумывая, решительно шагнул в туманную массу и пропал.

Василиса ахнула не сдержавшись. Но, к счастью, никто не обратил на ее возглас

внимания. Люди в темно-фиолетовых одеждах были заняты тем, что по очереди исчезали в сером тумане. Лишь последний из них обернулся и оглядел комнату, но, не найдя ничего подозрительного, скрылся за остальными.

Воцарилась тишина – пугающая и безмолвная.

Осторожно выглянув из-за шторы, Василиса прыгнула на пол и нерешительно приблизилась к странной стене. Как оказалось вблизи, туман непрерывно клубился и извивался, словно состоял из сотни плотных тучек, вздумавших побегать друг за другом.

Поколебавшись мгновение, Василиса быстро погрузила руку в туман и тут же отдернула. Ничего страшного не произошло. Тогда Василиса решила погрузить две руки.

Ничего.

Только там, в тумане, было немного холоднее, чем здесь, в библиотеке. И что же дальше? Василиса не была уверена, что стоит продолжать эксперимент.

И тут из коридора послышался резкий голос Норта-младшего:

– Рыжая в библиотеке! Больше ей негде быть... Ну, сейчас она за все получит!

Дверь уже открывалась, и решение пришло мгновенно – Василиса быстро шагнула в серую мглу...

...И оказалась в странном узком коридоре. Под ногами были дощечки: они опасно шатались и жутко скрипели, словно Василиса находилась на подвесном мосту, качающемся от сильного ветра. По бокам тянулись длинные ряды больших, в рост человека, песочных часов. В этих странных часах медленно и неторопливо сыпался желтый песок.

Неожиданно вся эта конструкция разом пришла в движение: дощечки под ногами закрипели и зашатались еще сильнее, а часы понеслись куда-то назад, набирая скорость. Василиса широко расставила руки и ноги, чтобы не потерять равновесие, но все равно упала и так, распластавшись, понеслась куда-то вперед.

К счастью, вскоре дощечки замедлили ход и, со скрипом затормозив, словно были частью огромного механизма, остановились. Длилось удивительное приключение не больше минуты, но у Василисы возникло странное чувство, будто она проделала долгий и опасный путь.

Поднявшись на ноги, Василиса обнаружила, что мост с песочными часами исчез. Вместо него девочку окружали твердые каменные стены, а на одной из них тоже висели часы – точная копия тех, из библиотеки.

Сама комната, где очутилась Василиса, оказалась и вовсе необычной: стены, пол и потолок были сделаны из темно-синего, с белыми прожилками камня. По углам, на высоких подставках в виде звериных лап, стояли золотые, в рифленых узорах чаши. В чашах бойко трещало пламя, выстреливавшее пригоршни мелких искр. Из мебели здесь была лишь длинная деревянная скамья, уставленная подсвечниками с толстыми новыми свечами и старыми, почти огарками.

Внимательно осмотрев все стены, Василиса обнаружила дверь, искусно замаскированную под цвет и рисунок сине-белого камня, – сразу такую не заметишь. Василиса подошла и разглядела небольшое белое кольцо в том месте, где у двери положено быть ручке.

Стоило подумать, идти ли дальше? Но отступить было уже поздно, и Василиса потянула кольцо на себя.

В глаза ударил слепящий свет. От неожиданности девочка зажмурилась, и ей понадобилось некоторое время, чтобы по привычке и вновь открыть глаза. Это место

выглядело еще более удивительным – коридор, где стены, потолок и пол сплошь укрывали зеркала. Странный голубоватый свет, шедший неизвестно откуда, множился в бесчисленном количестве отражений, потому создавалось впечатление, будто здесь находится добрая сотня включенных электрических ламп.

Василисе понадобилось все ее мужество, чтобы сделать шагок в это чудное место. Но ничего страшного не произошло – пол мягко спружинил под ногами, а глаза привыкли к необычному свечению.

Раздался мягкий щелчок. Это дверь, через которую вошла Василиса, закрылась, сливаясь с другими такими же зеркалами. Вот это да! Так можно потеряться и не найти больше этой комнаты... Василиса толкнула зеркало, находившееся рядом.

Оно отворилось, открывая узкий, мрачный тоннель, ведущий в абсолютную темноту. Василиса быстро закрыла эту зеркальную дверцу.

Что же дальше? Надо двигаться вперед и искать выход. Чтобы не потеряться, девочка сняла заколку с синим цветком и положила возле зеркальной двери, из которой вышла.

Из-за следующего зеркала раздалось злобное шипение. Василиса быстро захлопнула дверь и решила больше не экспериментировать. Она просто пошла вперед по этому удивительному коридору. Должен ведь найтись хоть какой-то выход?! Сверху, снизу, слева и справа были одни зеркала, а сам коридор всю дорогу как-то странно заворачивал вправо. Василиса не знала, сколько она так прошагала, пока вдруг не заметила, как ярко блеснуло на полу, выбиваясь из общей ослепительной гаммы, что-то синее.

Это же ее собственная заколка! Значит... она шла по кругу?

Василиса запаниковала. Она в отчаянии прислонилась лбом к какому-то зеркалу и, даже не сообразив толком, что происходит, рухнула в темноту.

Заныли ушибленные коленки. Зачем, зачем она сюда полезла?! И все из-за Норта и этого ужасного Марка! Только вспомнить, как он сдавил ей пальцы... Хорошо, что Василисе пришло в голову обмануть их появлением господина Эрна.

– Если я выберусь отсюда, я вам всем покажу, – гневно прошептала Василиса.

Она осмотрелась, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Как ни странно, мысль о мести придала ей сил: Василиса встала, отряхнулась и, вытянув руки, пошла наобум. Эх, зря она не захватила один из подсвечников. Может, все-таки стоит вернуться в зеркальный коридор? Она подождет там отца и тогда будь что будет. Однако Василиса была уверена, что Нортону-старшему совсем не понравится, что его дочь без разрешения прошла сквозь загадочный туман. Нет, она найдет способ вернуться, а пока... пока что она просто пойдет вперед.

Вдали замерцал огонек. Василиса ускорила шаг, ориентируясь на далекий свет. Темнота давила на нее, особенно после яркого зеркального коридора. Поэтому она немного опечалилась, когда увидела, что вблизи мигающий огонек оказался простым настенным фонарем. Зато слева от него слабо колыхалась, будто от дуновения воздуха, тяжелая черная занавеска.

Может, это выход на улицу?

Осторожно проскользнув за плотную ткань, Василиса очутилась в маленькой ложе. Во всяком случае, отсюда открывался вид на небольшой круглый зал с куполообразным потолком, как в театре или цирке, ярко освещенный чашами с живым огнем. Эти чаши болтались на цепях, подвешенные за огромные железные крюки.

В центре залы находился помост, на котором стояло каменное кресло-трон гигантских

размеров. Подле, выстроившись полукругом, располагались небольшие скамеечки со спинками. На них сидели люди в таких же темно-фиолетовых плащах, как у отца и тех, что проходили с ним сквозь стену. У некоторых лица были открыты, но Василиса видела лишь затылки и не могла кого-либо узнать, даже если б захотела. Казалось, сумрачно-фиолетовые фигуры застыли в напряженном ожидании: все они смотрели на гигантское кресло-трон посреди зала.

– Астрагор! Я призываю тебя, древний Дух! – прозвучал громкий голос, гулким эхом прокатившись по залу. – Прошу твоего совета, Астрагор...

Василиса вздрогнула и пригнулась. Ей понадобилось несколько секунд, чтоб принять как данность, – этот громовой голос принадлежал ее отцу.

Нортон-старший, одетый в тот же темно-фиолетовый плащ, что и у остальных, держал в руке толстое черное копье с алым наконечником. Неожиданно он поднял копье, ловко перевернул его и резко ударил острием о пол.

Гигантское кресло тут же озарилось яркой огненной вспышкой, и Василиса увидела, что оно вырезано из куска прозрачного, в алых прожилках камня, спинка и подлокотники вспыхнули множеством искр, даже в глазах зарябило. Сразу же, неизвестно откуда и каким образом, повалило нечто густое и желеобразное, обволакивая гигантский трон, словно огромный осьминог длинными вязкими щупальцами, и нестерпимый алый свет камня оделся в матово-серое.

Темные фигуры выжидали. А Василиса боялась даже дышать.

– Приветствую тебя, разгадавший мое числовое имя, – прошелестел вдруг низкий голос, и голос этот шел из самой глубины овитого «щупальцами» трона. – Что желаешь ты знать?

– Все об Алом Цветке, великий Дух, – ответил Нортон-старший. – И о нашей с тобой договоренности.

– Я не отрекался от своих обещаний, – бесстрастно произнес Дух. – Надеюсь, и ты помнишь о своих.

– Да, помню.

На алом камне вспыхнули сотни искорок и тут же погасли, словно дрожь пробежала по телу «осьминога».

– Время Алого Цветка близится.

– Значит, волшебный цветок действительно расцветает раз в тысячу лет... – Нортон-старший сделал шаг к трону. – И выполняет одно желание?

– Не просто желание, – ответил Дух, – а волю, высказанную семерыми ключниками.

– Но что это за воля? – продолжил Нортон-старший. – Можно ли использовать ее для того, чтобы сотворить новый мир? Мир для избранных? Третью планету, еще один разрыв... Свой мир – лучший из трех. Новый мир вместо двух старых...

Люди в темных плащах опять зашептались, но на этот раз более радостно, возбужденно.

Ответ прозвучал не сразу.

– Знаешь ли ты, что такое Алый Цветок, о, разгадавший мое числовое имя? – равнодушно спросил Дух. – Он – сердце планеты, живой пульсирующий мост, соединяющий два мира: Эфлару и Осталу. Ты хочешь погубить их таким желанием? Алый Цветок не сумеет сотворить новую Землю, но изменить ваш мир сможет.

– Срок Эфлары истекает, – продолжил отец Василисы, – и если люди не вмешаются, вскоре она исчезнет. Та Земля, что зовется Осталой, должна поглотить ее: Временной Разрыв стремительно сокращается.

Повисло молчание.

– Это верно, – наконец ответил Дух. – Но Алый Цветок уберезет от беды. Не проси меня сказать, как он это сделает. Тебе ли не знать, сердце планеты вне времени и его законов, и я не властен над ним. Добудь сердце Алого Цветка, Нортон, и мы изменим мир... Вместе. Но помни, – добавил Дух, – о нашем договоре. Ты должен приступить к первой его части, чтобы задуманное свершилось.

Нортон-старший низко поклонился.

– Почему же к сердцу планеты должны идти только юные? – вновь спросил он. – Не лучше ли доверить дело опытным часовщикам?

И ответ последовал:

– Алый Цветок сам юн и чист, потому что рождается заново раз в тысячу земных вращений. И доверится лишь юным душам. Отдайте Ключи от Расколотого Замка семерым достойным и пятерым их помощникам – ровно двенадцать должны встать на Часовой Круг.

– Тринадцатого июня, – произнес Нортон-старший, – запустят Часовой Круг... Но в нашем распоряжении лишь три Ключа!

– Семь... Семь Ключей в игре. – Дух помолчал и вдруг торжественно продекламировал: – Серебряный, Бронзовый и Золотой будут соперничать между собой. Железный откроет цветения тайну, Расколотый Замок укажет Хрустальный. Рубиновый Ключ все секреты расскажет, а Черный – путь к самому сердцу укажет...

– Кто владеет остальными Ключами? – спросил Нортон-старший.

– Белая Королева обещает, что к назначенному времени еще три ключника встанут в круг.

– А Черный? – жадно спросил Нортон-старший. – Черный Ключ тоже в игре?

– Как добра не бывает без зла, так и белого не может быть без черного, – несколько туманно ответил Дух. И добавил: – Все Ключи будут в игре, Часовой Круг завертится вовремя. Черная Королева не бездействует и тоже готовит своего ключника.

Фиолетовые фигуры, сидевшие до этого неподвижно, неожиданно зашевелились, кое-кто даже вскочил с места; по залу прошел изумленный, тревожный, даже рассерженный шепот.

– Но не беспокойся об этом, – продолжил голос из глубины трона. – Черный Ключ манит, потому как свойства его не совсем известны, но это не значит, что он более могуч, чем остальные Ключи от древнего замка, расколотого безумным волшебством.

Нортон-старший низко поклонился.

– Благодарствую за истину, Астрагор, – тихо сказал он.

Его голос гулким эхом пролетел по залу, завертелся вихрем в куполообразном потолке, многократно усилился. Фиолетовые фигуры вновь обратились в молчаливые статуи.

А Дух неожиданно повторил:

– Найдите семь Ключей от сокровищницы. Серебряный, Бронзовый и Золотой будут соперничать между собой. Железный откроет цветения тайну, Расколотый Замок укажет Хрустальный. Рубиновый Ключ все секреты расскажет, а Черный – путь к самому сердцу укажет...

Фиолетовые фигуры вновь заволновались, раздались восклицания, громкие реплики, и Нортону-старшему пришлось поднять руку, чтобы восстановить спокойствие.

– Кое-что еще, Астрагор... – Нортон-старший помедлил. – Рубиновый Ключ.

– Один из твоих детей будет владеть им. Я видел это сам.

Зал неожиданно взорвался такими громкими аплодисментами, что Василиса невольно закрыла руками уши. Фиолетовое людское море пришло в движение, все хлопали в ладоши, выражая восторг Нортону-старшему, а тот лишь слегка наклонил голову.

– Могу ли я спросить тебя еще об одном, великий Астрагор... – начал тихо Нортон Огнев, когда все немного успокоились, но Дух внезапно перебил его:

– Да, есть еще один человек, кто знает мое числовое имя, и мы беседуем с нею время от времени... И ей я сообщил то же, что и тебе.

– И кто же это, великий Дух?

– Белая Королева, – ответил голос. – Так она просила себя называть и впредь. А сейчас прошу простить – Эфлара по-прежнему для меня недоступна, мне тяжело находиться здесь даже в таком виде... Но скоро все изменится, не так ли, Нортон? Прощай.

Дым начал таять, серые щупальца ослабли, алый свет потускнел.

Казалось, будто этот огромный и пыльный кусок камня не светился так ярко и ослепительно всего лишь несколько мгновений назад.

Нортон Огнев медленно повернулся к остальным; люди в фиолетово-сумеречных плащах застыли в уважительном ожидании.

– Елена, я прошу вас присутствовать с нашим Золотым ключником на посвящении Норта и... остальных моих детей.

– Спасибо, Нортон, – прошептала женщина, вставая на одно колено и целуя край его фиолетовой мантии.

Она немного повернулась, и Василиса смогла увидеть профиль женщины. Сомнения рассеялись: это была та самая «сумасшедшая» Елена.

– Все мы знаем, что слова Астрагора нельзя подвергать сомнению, – обратился отец Василисы к собравшимся в зале. – Мы убеждались, и не раз, – Астрагор всегда говорит правду. Поэтому Эфларе действительно грозит гибель.

Люди в плащах покорно склонили головы.

Нортон-старший ступил на возвышение. Гигантское кресло казалось простой каменной грудой. Огнев подошел и уселся в него, облокотившись на поручни. Черное копье с алым острием он продолжал сжимать в правой руке.

И теперь, восседающий на троне, отец казался Василисе неким сказочным королем.

– Старая Эфлара действительно погибнет... Но наш мир изменится, и изменится к лучшему.

Зал снова взорвался аплодисментами, но отец Василисы поднял руку, и они тут же стихли.

– Перейдем к делам не менее важным... – резко произнес он. – Какие новости из Астрограда?

– В РадоСвете много верных людей, Нортон, – подала голос Елена. – Они готовы встать за тобой, лишь только ты появишься в Лазоре. А вот мастера...

– Что мастера? – холодно переспросил Нортон-старший. – Опять Лазарев?

– Да, Константин Лазарев, часовых дел мастер. Он ведь не первый раз восстанавливает ремесленников против тебя, и многие прислушиваются к нему. Он говорит, что ты приведешь мир к концу...

– Для ремесленника любое повышение налогов – конец света, – презрительно отозвался Нортон-старший. – Что знают они о Поглощении? Неучи... Я сам займусь Лазаревым. Но для этого я должен опять оказаться в РадоСвете.

– Наш человек сообщил, что все в порядке, – произнесла Елена. – Все прошло, как задумано. Астариус обязан будет провести повторное голосование. Бывший член РадоСвета имеет право попытаться вновь войти в состав правления.

– Хорошо, – довольно кивнул Нортон-старший. – День-два, и я буду заседать в Лазоре. Но кое-кого там уже не будет.

Последние слова прозвучали зловеще.

– Позвольте, господин...

От толпы отделился человек. Он приблизился к Огневу и так же, как предыдущие ораторы, скинул с головы капюшон. Человек склонился в низком поклоне, и в свете пламенных чаш блеснула его лысина.

– Приветствую, Мандигор, – обратился к нему Нортон-старший. – Я рад, что ты смог обмануть совет и посетить наше маленькое собрание... Что тревожит тебя?

– Мы наслышаны, господин, – начал Мандигор после еще одного низкого поклона, – что у вас нашлась дочь... э-э, потерянная двенадцать лет назад.

– Да, это так, – сухо произнес Нортон-старший.

Василиса, немного приунывшая от непонятных и потому казавшихся ей особо жуткими разговоров, вновь обратилась в слух.

– И она должна пройти посвящение на часовую степень, – вкрадчиво продолжил лысый Мандигор.

– И это правда.

– Не значит ли это, господин, что если ваша дочь... э-э, та самая дочь, сможет плести эферы, не будет ли это значить, что она, по сути своей, является...

– Это будет значить совсем другое, Мандигор, – ровным голосом произнес Нортон-старший.

– Великий господин, – вскинул руки Мандигор, – ты мудр и справедлив... Но если у нее окажется высокая степень, дающая право на наследство...

– Моим наследником будет Норт, мой старший сын. – Нортон-старший вдруг резко встал и шагнул к Мандигору – тот даже попятился от неожиданности. – Я пойду на любые меры, лишь бы не допустить того, о чем ты хотел спросить, Мандигор.

Лысый человек молчал, встревоженный мощным натиском.

Василиса продолжала недоумевать.

Ей вдруг на миг показалось, что она находится в театре и видит странное, нереальное, даже немного дурацкое представление.

– Ты думаешь, что она сможет часовать? – тихо спросила Елена. Так тихо, что Василиса вообще еле расслышала ее. – Но как же так? – продолжила Елена громче, – Она ведь всю жизнь прожила на Остале – в мире без магии, где сам воздух вреден для часовщика!

– Чепуха, – устало возразил Нортон-старший. – На Остале действуют законы эферов наравне с физическими. Правда, люди пользуются часами только для измерения времени, поэтому не ведают о часодействе. Остальцы доверяют лишь техническому прогрессу. А это означает, что они нескоро еще полетят к звездам или найдут дорогу в другие миры. Эфларцы же выбрали лучшее – предпочли часодейство. Нам осталось всего лишь сохранить наш мир... и сделать его лучше.

– Но если твоя дочь... – начала Елена и Василиса подметила в ее голосе угрожающие нотки. – Если она получит часовую степень, и ты дашь ей имя...

– Я помню о давнем обещании, госпожа Мортинова. – В голосе Нортон-старшего

громыхнуло знакомое железо. – И я вновь повторяю: моя дочь не получит от меня часодейного имени.

– Но как же тогда Ключ, ведь он нам нужен!

– Завтра, – нетерпеливо произнес Нортон-старший. – Завтра все прояснится, Елена.

Женщина молча поклонилась и отступила от каменного трона.

– Астариус уже знает об этой вашей дочери, – подал голос Мандигор, особенно выделяя слово «этой». – Как видно, и у него есть верные люди... среди нас.

Мандигор оглянулся, обводя присутствующих подозрительным взглядом.

– Это был Кэртис, – внезапно произнесла Елена. Она полуобернулась, и Василиса увидела, как на ее губах заиграла холодная улыбка.

Люди в фиолетовых мантиях тут же зашумели, переговариваясь, по залу прокатилось ошеломленное разноголосое эхо, слышались гневные возгласы:

– В камень предателя!

– Смерть ему!

– Его статуя уже украшает подземелье Черновода! – хрипло выкрикнула Елена и презрительно ухмыльнулась.

Подождав, пока волна смятения уляжется, Нортон-старший заговорил вновь:

– Не будем уделять этому вопросу столько внимания: предателя уже нет среди нас. Астариус? Он слишком стар, чтобы нам мешать. Я думаю, – тут Нортон-старший усмехнулся, – он скоро отойдет от великих дел. Но вернемся к нашим заботам... Елена, все готово?

Елена кивнула и подняла руки, сложив их лодочкой. Внезапно вокруг нее замерцала легкая, полупрозрачная дымка, и она... исчезла! Просто растворилась в воздухе.

Василиса громко ахнула и в ужасе закрыла рот ладошкой. Кажется, она сходит с ума... Но остальные на исчезновение Елены отреагировали более спокойно. В зале царила безмятежная тишина, лишь тихо потрескивало пламя в чашах: люди чего-то выжидали.

Вновь показалась серебристая дымка, являя остальным стройную, высокую фигуру Елены. В руке она держала какие-то странные блестящие приборы или механизмы, издали нельзя было разглядеть, что именно.

Елена поклонилась Нортону-старшему:

– Можно начинать.

И вдруг Нортон Огнев резко встал и, не говоря ни слова, поднял вверх правую руку. Какую-то секунду он постоял в такой позе, а затем медленно, словно раскручивал невидимое лассо, начал водить ею в воздухе. Послышался неприятный, режущий слух свист. Он нарастал и нарастал, становясь все невыносимее. Василиса зажала руками уши – казалось, еще немного, и у нее лопнут барабанные перепонки.

И вдруг свист прекратился – отец опустил руку. Василиса тряхнула головой, пытаясь унять звон в ушах.

– В подземелье есть посторонний... – устало произнес Нортон-старший. – Все часовые защитные нити грубо нарушены. Где-то рядом прячется... Найдите его!!! – вдруг рывкнул он.

Для Василисы это послужило сигналом: она рванула к двери и пулей вылетела в коридор. На обратный путь ей понадобилось намного меньше времени – откуда только силы взялись! – и вскоре она оказалась в зеркальном коридоре.

Заколка нашлась быстро – блестела синим огоньком на полу.

Внезапно Василиса ощутила, что зеркала как-то странно вибрируют, стены и потолок

дрожали и звенели от глухих звуков, идущих отовсюду. Создавалось впечатление, что сюда бегут очень много людей. Не теряя больше времени, Василиса влетела в комнату с огненными чашами.

Тихо и равнодушно потрескивало пламя, разбрасывая искры. Висели часы на стене – копия тех, что были в семейной библиотеке. А голая каменная стена по-прежнему не содержала никаких указаний, как проникнуть через нее назад, в библиотеку.

Василиса в отчаянии стукнула по ней кулаком, но от этого лишь заболела рука. Что же делать?! Сюда не доносились вибрирующие глухие звуки, но Василиса чувствовала – погоня близко. Она в отчаянии прислонилась к стене и прошептала:

– Обрато... Хочу обратно! НАЗАД!

Стена заколебалась, становясь мягкой и зыбкой, запузырилась, словно мыльная пена, и в ней образовалась небольшая крутящаяся воронка. Василиса протянула руку, и ее тут же втянуло в середину, перед глазами рассыпался разноцветный калейдоскоп искр, стало очень жарко и душно... Толчок – и Василиса больно приземлилась на спину, не успев подставить локти.

Открыв глаза, она увидела, что над ней нависает книжный шкаф, а на стене как ни в чем не бывало тикают «знакомцы» – большие часы.

Она опять дома, в библиотеке!

Василиса резко вскочила: за ней может быть погоня, надо поскорей добраться до своей комнаты.

В один прыжок достигнув двери, она осторожно выглянула в коридор.

Никого.

И очень тихо. Кажется, гости давно разошлись...

В комнате Василиса сразу же юркнула под одеяло, как и была, в платье. Только она успела это проделать, как в коридоре вновь раздались шаги. Дверь резко распахнулась, жалобно скрипнув петлями.

На пороге, освещенный бледным лунным светом, стоял отец.

Василиса задышала ровно и медленно, делая вид, что спит. Но это ей плохо удавалось: сердце неистово колотилось, и, казалось, его удары разбудят весь дом. Сейчас отец узнает, что она была в тайном ходе... Наверняка ее накажут! Накажут, накажут...

Но отец так и не вошел. Он еще немного помедлил, словно в раздумье, и тихо вышел, легко затворив дверь.

Василиса осталась одна со своими мыслями. Почему отец пришел именно в ее комнату? Неужели он догадался про тайный ход? Она подумала, что ни за что не сможет заснуть после таких страшных приключений... И провалилась в сон.

Глава 3

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Наступило утро. Быстро умывшись и причесавшись, Василиса не без опаски спустилась вниз, в столовую.

Но оказалось, можно было не волноваться – отец куда-то уехал. Госпожа Азалия пребывала в прекрасном настроении: за завтраком она вместе с остальными детьми обсуждала вчерашний вечер. Даже Норт-младший вел себя хорошо и совсем не обращал на Василису внимания. Эрик тоже был за столом – сидел справа от Норта и даже не смотрел в ее сторону.

Василиса лихорадочно соображала, что же ей теперь предпринять. То, что она увидела вчера, не подлежало хоть какому-нибудь разумному объяснению. Поэтому девочка для себя решила, что отец принадлежит к некой странной тайной организации... гипнотизеров.

Но как же быть с остальным? Все эти диковинные события в библиотеке, вращающиеся часы, мост, зеркала и Дух Астрагор в подземелье казались такими реальными... А сам отец? Люди в фиолетовых плащах и, главное, – та безумная женщина, Елена?

Раздался звон. Василиса, задумавшись, не заметила, как выронила вилку, и та звучно ударилась о кафель пола.

– Что с тобой? – покосилась на нее госпожа Азалия. – Тебе что, плохо?

– Да, мне плохо, – согласилась Василиса.

– Тогда иди в свою комнату и никуда не выходи, – резко произнесла няня.

– А как же... – на миг Василиса растерялась. – Сегодня вроде выходной... Я думала поехать в город, встретиться с...

– Сегодня посвящение, – перебил ее Норт. – Так что никаких прогулок, сестричка. Не пошла бы ты... в свою комнату, набираться сил перед вечером. Я уверен, тебя ждет великое потрясение... Не могу дождаться. – Норт радостно оскалился.

– Что будет вечером? – спросила Василиса, повернувшись к госпоже Азалии.

– Дети! – Игнорируя вопрос, няня демонстративно встала из-за стола. – Сегодняшний день вы проведете дома. Отдохните, погуляйте в саду, но не шумите, берегите силы. Подождем того часа, когда приедет ваш отец и начнется великое испытание.

Выдав столь чудную тираду, причем весьма благожелательным голосом, няня позвала кухарку – молчаливую полноватую женщину, чтобы та убрала грязную посуду.

Норт и Дейла первыми вышли из-за стола, Ноель увязался за ними, последним шел Эрик. Проходя мимо Василисы, он тихо шепнул ей:

– В библиотеке.

Василиса незаметно кивнула, удивляясь, как это она забыла об Эрике – единственной надежде хоть что-нибудь узнать о семейных странностях.

Но возле лестницы поджидал Норт.

– Сегодня вечером у нас будут гости, – ехидно сообщил он. – На посвящение придет госпожа Муртинова, а с ней – Марк.

– Я очень рада, – сказала Василиса, думая, как бы так незаметно пробраться в библиотеку. Однако путь лежал мимо лестницы, на первой ступеньке которой и стоял любезный братец.

– Марк очень злится на тебя, – продолжал Норт.

– На меня все злятся... – Василиса подумала, что это действительно так: отец, госпожа Азалия, эта Елена, Норт, Дейла, даже Эрик и Ноель – все на нее за что-то злились. Она непроизвольно сделала несколько шагов в сторону коридора.

– Я надеюсь, что ты не станешь часовщиком, – продолжал Норт, преграждая сестре дорогу. – И мы больше тебя никогда не увидим...

– Я не хочу становиться часовщиком! – возразила ему Василиса. – Я ничего не понимаю в часах.

Норт округлил глаза, а потом вдруг оглушительно расхохотался.

– Ой, не могу... Я все время забываю, что ты ничегошеньки не знаешь!

Василиса почувствовала, что ее лицо опять краснеет, густо заливаясь румянцем. В гневе она отодвинула хохочущего братца и зашагала в сторону библиотеки; Норт не препятствовал.

В библиотеке было тихо. Василиса прислушалась: кажется, никто за ней не увязался.

И тогда из-за шкафа вышел Эрик.

– Василиса, мне надо тебе кое-что рассказать... – начал он без предисловий. – Дело в том, что я... вернее, ты. Ух... На вот, возьми для начала.

На ладони Эрика сверкнул маленький золотой предмет, тут же перекочевавший в ладонь ошеломленной Василисы. При ближайшем рассмотрении вещь оказалась крохотными песочными часами – не больше обычного кулона. За стеклом корпуса блестели золотые песчинки.

Василиса повертела в руках странные часы.

– Они что, золотые? Зачем они мне?

– Да, золотые... – Эрик скривился, будто раздумывая, как получше объяснить. – Это непростые часы.

– Да знаю я, песочные. А почему песок в середине заполнен доверху? Как он будет высыпаться?

– Нет, я не о том. Они волшебные. Подуй на них и потри ободок, когда тебе будет грозить опасность.

– Не смешно, – зло сказала Василиса и попыталась вернуть часы, но Эрик отскочил как ужаленный:

– Ты не понимаешь! Тебя хотят убить!

– Ты с ума сошел... – Василиса озадаченно посмотрела на брата: кажется, тот действительно был напуган.

– Я слышал, что Елена заберет тебя, если ты окажешься часовщицей. Ну, если тебе удастся пройти испытание на часовую степень...

– Да кто такие эти часовщики?! – воскликнула Василиса.

Но Эрик не спешил с ответом.

– Давай сначала о часах...

– Ну ладно, давай, – согласилась Василиса, про себя гадая, что же братья такое задумали.

– Часы откроют временной коридор, на другом конце которого будет один человек... У него ты сможешь попросить помощи. Я советую тебе испытать часы до обряда часового посвящения, потому как после него может быть поздно.

– А теперь расскажи мне о часовщиках... – Василиса попыталась вернуть разговор к интересовавшей ее теме.

– О посвящении отец просил не рассказы-ы-ва-ать... – протянул в ужасе Эрик и осекся.

Рот его стал похож на большую букву «о».

– Так это отец попросил тебя отдать мне часы, да?!

– Нет! – выкрикнул Эрик с какой-то тоской в голосе. – Еще до твоего приезда он собрал нас и строго-настрого запретил с тобой общаться и хоть что-либо рассказывать об Эфларе...

– Об Эфларе! – ахнула Василиса. – Пожалуйста, расскажи мне о ней... знаешь, наверное, я была уже там.

– Не обманывай, это невозможно. – Эрик кисло усмехнулся. – Не пытайся меня подловить. На Эфлару можно попасть через любой часовой механизм, но только лишь особому перекрутив стрелки. Ты-то уж точно не смогла бы совершить переход... А сейчас, прошу тебя, поверь мне: поднимись в комнату и испытай эти часики.

У Василисы было свое мнение насчет Эфлары, но она рассудила, что не стоит посвящать Эрика в подробности вчерашних приключений. Лучше уж сама разберется.

– Не буду я испытывать эти ча-а-сики, – передразнила она. – Если ты мне ничего не расскажешь.

– Слушай, это твое дело! – внезапно рассердился Эрик. – Я вообще не обязан тебе что-либо говорить!

– Тогда почему говоришь?

– Ну, – Эрик смутился, – просто...

– Это Норт тебя подослал, – уверенно заявила Василиса и, сощурившись, добавила: – Передай, что ничего у него не выйдет.

– Как знаешь, – окончательно разозлился Эрик. Лицо его побагровело, глаза превратились в обидные щелочки. – Если тебя уничтожат, будешь сама в этом виновата!

– Кому понадобилось меня уничтожать? – гневно спросила Василиса. – Я никогда никому плохого не делала. Ну, разве что совсем чуть-чуть... – Она вспомнила фиолетовый синяк у Норта под глазом.

– Ты умеешь часовать, я видел, – тихо сказал Эрик. – И между прочим, я не рассказал об этом отцу.

– Я не умею часовать... – возразила Василиса.

– Я видел часовой флер вокруг тебя, – перебил Эрик. – Целую кучу чисел!

Девочка смутилась.

– Ну, если ты о тех циферках... Они появились как-то сами... Может, это у многих бывает?

Честно говоря, Василиса сама была не прочь узнать побольше об этом «флере».

– Если у тебя будет выше степень, чем у Норта, – вдруг выпалил Эрик, – или даже такая же... тебя сразу убьют, чтобы ты не стала наследницей. Существует закон: старший сын является первым наследником, но если у девочки часовая степень выше... Марк рассказывал Норту, что наш отец никогда не согласится на твое посвящение и надеется, что ты – фейра. Но если ты не фейра...

Эрик перевел дыхание.

– Что за фейра такая? – Василиса вспомнила, что уже слышала это слово от Елены.

– Фейра – бездарная, то есть без часового дара рожденная. Рожденная человеком и... Слушай, – всполошился Эрик, – я не должен тебе много рассказывать! Меня могут сильно наказать. – Он поежился.

– Ладно.

Василиса решила, что надо действовать осторожно: может, тогда она разберется, где же

тут подвох. Поэтому она сказала:

– Ты говоришь, что девочка не может быть наследницей, но ведь, кроме меня, есть Дейла!

С минуту они молча смотрели друг на друга.

– О Дейле разговор не шел, – пожал плечами Эрик, отводя глаза.

– Может, этот Марк просто пошутил?

– Таким не шутят.

– С чего бы это Марку меня убивать? – разговор все больше раздражал Василису.

Кажется, Эрик затянул с розыгрышем.

– Не Марку, – еле слышно произнес Эрик. – А... слушай, верь мне и все.

– Ну-ну. Тебя тоже убьют, если твоя степень будет выше?

Эрик вновь отвел глаза.

– У меня нет способностей, – очень тихо сказал он. Так тихо, что Василиса еле расслышала. – После посвящения я все забуду.

– Да что это за дурацкое посвящение?! – не выдержала Василиса. – Что оно означает?

– Слушай, хватит меня спрашивать! – вдруг взорвался Эрик. – Я не должен был тебе ничего рассказывать! Какое мне вообще до тебя дело... Оставь меня в покое!

Брат развернулся и побежал прочь. Хлопнула дверь.

У Василисы глаза полезли на лоб: что это с ним? Сейчас он больше всего походил на ненормального: говорил какой-то бред, угрожал убийством...

Василиса с опозданием подумала, что стоило еще поспрашивать брата, например о Елене и этом Марке.

Неожиданно дверь вновь открылась, пропуская Эрика обратно.

– Спрячь часы! – Эрик скривился, как от зубной боли. – Скорее!

Только Василиса сунула золотые часики в задний карман джинсов, как дверь распахнулась под мощным ударом, Эрик отлетел к шкапам, распластавшись на полу.

На пороге нарисовался Норт.

– Ничего ему не говори! – выкрикнул Эрик, приподнимаясь на локтях.

Взгляд Норты не предвещал ничего хорошего.

– Что за секреты, а? – прошипел он. – Эрик, ты что, забыл, что нам говорил отец?

– Ничего я не забыл!

Норт подступил к Василисе:

– О чем он тебе рассказал?! – И размахнулся изо всех сил, намереваясь ударить ее.

Но Василиса успела первой и нанесла, практически бессознательно, короткий и точный удар в Нортово правое ухо.

Брат пошатнулся и побледнел. Но его глаза опасно сузились.

– Тебе конец, – процедил он, вновь замахиваясь.

И тут Эрик набросился на Норту сзади, обхватив за плечи; они покатались по полу. Эрик, на миг оказавшись сверху, принялся яростно колотить брата кулаками.

– Вот тебе за все! Я тебя ненавижу!!! Не-на-вижу!

– Отпусти, идиот... – хрипел Норт, пытаясь вырваться.

– Я тебя ненавижу, ненавижу отца... вас всех ненавижу! – У Эрика из глаз покатались слезы и потекли ручьями по щекам.

Онемев от изумления, Василиса решительно не знала, что ей предпринять. К счастью, на шум прибежала госпожа Азалия, а за ней – господин Эрн. Последний и разнял, не без

усилия, дерущихся братьев.

– Придурок! – кричал разъяренный Норт, пробуя вырваться из стальных клещей, в которые заключил его грозный шофер. – Ты все ей выболтал! Бездарный!

– Неправда! – вскричал Эрик, плача навзрыд. – Мы совсем не о том говорили...

Няня обменялась с господином Эрном тревожным взглядом.

– О чем же вы говорили, Эрик? – вкрадчиво спросила она, подступая к младшему брату. – Что ты ей рассказал?

– Ничего он мне не рассказывал, – хмурясь, заверила Василиса. Кажется, здесь действительно происходит что-то серьезное.

– Эрик? – Няня пропустила ее реплику мимо ушей.

– Ни о чем не говорили, – ответил тот, внезапно успокоившись. – Я просто хотел поцеловать ее.

Воцарилась изумленная тишина.

У Василисы отвисла челюсть. Норт тоже выглядел ошарашенным.

– Да врет все... – заявил он, но уже не так уверенно.

Первой опомнилась госпожа Азалия, она резко шагнула к девочке, схватила ее за ухо и повела вон из библиотеки.

От удивления Василиса даже не сопротивлялась и позволила довести себя в таком положении до самой комнаты.

Раскрыв одной рукой двери, госпожа Азалия отпустила наконец Василисино ухо, не забыв подтолкнуть девочку в спину. После чего ушла, так и не произнеся ни слова.

Оставшись одна, Василиса решила разобраться с мыслями, успокоиться, взять себя в руки.

Поведение Эрика ошарашило ее. И не само заявление о дурацком поцелуе. На девочку куда большее впечатление произвело то, с какой ненавистью Эрик колотил Норта, кричал на него... А она-то думала, что младший во всем слушается старшего брата.

Загадки семьи окружили Василису плотным кольцом, и ни одна из них не хотела разъясняться.

Поэтому девочка вытащила на свет золотые часики – пожалуй, единственный, имеющийся у нее ключ к семейным секретам.

Ничего страшного не случится, если она подует на них и потрет стекло...

Крохотные часики легко выпрыгнули из рук и завертелись в воздухе, словно висели на невидимой ниточке. Вращение убыстрялось, сливаясь в одно сплошное золотое кольцо. Кольцо начало расширяться, пока не превратилось в сверкающий солнечный обруч. В середине его неожиданно засеребрился легкий дымок, словно запотело стекло в окне, и вдруг проявилось четкое изображение: смуглое лицо какого-то пацана.

Василиса не сдержалась и ахнула. Мальчишка озабоченно хмурил лоб, чесал затылок, стриженный ежиком, и глядел куда-то вниз. И вдруг он поднял взгляд: глаза у него оказались большие, темно-карие.

– Привет, мальчик! – радостно ляпнула Василиса и сразу же покраснела. Ну надо же так сказать!

– Привет, девочка! – Мальчишка широко улыбнулся. – Ты хочешь сделать заказ моему отцу? Часолист сломался, да?

– Э-э, а кто твой отец?

Темные брови мальчика сложились домиком.

– Мой отец – Константин Лазарев, – произнес он после некоторых раздумий. – Часовых дел мастер. Самый лучший.

– Часовщик?

– Да нет же. – Мальчишка все больше удивлялся. – Он просто... мастер. Делает всякие часовые штучки. А еще он советник. А меня зовут Ник. Ник Лазарев. А ты кто такая?

– Василиса... Огнева.

– Какая еще Огнева?

Василиса пожала плечами.

– Просто Огнева.

– Ты где живешь? – Мальчик озадаченно потер лоб и глянул вниз. – Мой инерциоид не может определить, где ты находишься.

– Да здесь живу, на... – И тут Василису осенила догадка: – Послушай, а твоя страна как называется?

– Какая-то такая страна? Есть долины и города. Например, я живу в Астрограде – лучшем городе на целой Эфларе. Мой дом находится в Ратуше... над тем самым Лазорем. – Мальчишка гордо выпрямился.

Василиса вздохнула: опять что-то новое и непонятное.

– Так ты говоришь, что с той самой Эфлары? – уточнила она.

– Из Астрограда, – поправил мальчик, все более удивляясь. – А твой отец кто? Кем работает?

– Не знаю...

– Как это?

Василиса подумала, что действительно странно выглядит – не знать, кем работает твой собственный отец.

– Понимаешь, я не знаю, – произнесла она расстроено. – Сегодня у нас посвящение на часы, э-э, ну, то есть...

– Часовую степень? – Глаза у мальчика расширились. – Так ты можешь стать часовщиком?! Ну, то есть часовщицей. Значит, ты из знаменитой, благородной семьи, и я должен был про тебя слышать.

– Думаешь? – удивилась Василиса.

– Ого... – Кажется, мальчик с той стороны нажимал некие кнопки, ибо плечи его двигались. – Я проследил твой путь... Так ты живешь на Остале! У меня первый раз связь с Осталою! Надо Фэшу рассказать, вот удивится... Раньше это было почти невозможно, но теперь, когда расстояние между мирами уменьшается... это просто здорово! – Ник явно был счастлив.

Василиса, однако, не разделяла его радужного настроения. Она так ничего и не узнала толком.

В ту же минуту в коридоре послышались чьи-то неторопливые шаги. Кажется, сюда кто-то направлялся.

Шаги замерли у самой двери. Василиса прислушалась... Тихо.

– Ты знаешь, я не уверена... – прошептала она Нику, опасливо оглядываясь, – но вроде мне угрожает серьезная опасность.

– Так вроде или действительно угрожает? – Ник выглядел заинтересованным.

– Мне так сказал один... друг. И вручил эти часики. Пожалуй, мне надо сбежать отсюда... Ты можешь мне в этом помочь?

– У тебя очень сильная связь, – неуверенно сказал Ник. – В общем-то, я могу перетащить тебя ко мне... если тебе действительно угрожает опасность. Я дам тебе часовой пароль. Только отцу это совсем не понравится.

– Давай быстрее, – поторопила Василиса. – Ко мне идут, и я не знаю, получится ли у меня опять выйти на связь.

– Запоминай, – решил Ник и продекламировал:

– Тридцать три
Ступени в небо,
Вверх смотри,
Где раньше не был.

Василиса несколько раз повторила про себя. Стишок был легким и быстро запомнился.

– А потом мысленно считаешь от тридцати трех до нуля, понятно?

Василиса кивнула: понятно. Хотя и странно.

– Только, чтобы переместиться, надо быть на открытой местности, а еще лучше – на возвышении...

– Слушай, а как это вообще – перемещаться, а?

– Да просто, – удивился Ник. – Ты какой транспорт обычно используешь?

– Я?!

– Ну не я же, – резонно заметил Ник. – Твои часики кто изготовил? Если они протягивают такие серьезные коридоры между Эфларой и Осталой, тут явно работал сильный мастер.

– Не знаю я, – расстроилась Василиса. Разговаривая с Ником, она одновременно пыталась слушать, что происходит в коридоре, но посторонних звуков больше не было.

– Как это, используешь такие сильные вещи и ничего не знаешь? – Удивление Ника сменилось подозрительностью. – Так кто же ты такая?

За дверью опять зашуршали. Василиса замерла и прислушалась.

– И как зовут твоего отца? – напомнил о себе Ник. – Это он дал тебе такой сильный механизм?

Ручка двери начала медленно поворачиваться; Василиса схватилась за края обруча, пытаясь скрыть его; «экран» зашипел, озадаченное лицо Ника мигом исчезло. Не прошло и двух секунд, как в руке у девочки вновь оказались теплые песочные часики, и она мигом спрятала их в карман.

Оказывается, уединение Василисы нарушила госпожа Азалия.

– Иди за мной, – приказала она, и девочке не осталось ничего другого, как последовать за ней. – Будь на виду, – заявила няня, когда они очутились во дворе. – Садись на лавку, под яблонями. И ни на шаг в сторону!

– Можно мне хотя бы книгу, пожалуйста, – попросила Василиса, и няня, как ни странно, кивнула в знак согласия.

Как только няня удалилась, Василиса уныло оглядела «место заключения». Яблони давно расцвели – тонкие ветки с белыми цветами красиво наклонялись над лавочкой, как будто стремились заключить в объятия и спрятать сей укромный уголок от чужих глаз.

Вернулась няня, вручив Василисе потрепанную книгу – «Занимательную физику».

Кисло поблагодарив, Василиса раскрыла наугад страницу и начала читать первое, что попало, – как ни странно, это была биография Исаака Ньютона.

«Эх, – рассеянно подумала она, – вот упало бы мне на голову яблоко, может, я сразу бы поняла, что происходит. А надо мной одни цветки...»

Василиса видела, как на полянке Норт с братьями играют в футбол. Эрик выглядел обычно: что-то весело кричал Норту, когда пасовал ему, покрикивал на толстяка Ноеля, красного и громко пыхтевшего. Как будто Эрик и не дрался только что с братом, не кричал: «Я вас всех ненавижу!»

У Дейлы тоже было серьезное занятие: она ловила бабочек и отрывала им крылышки. Иногда она искоса поглядывала на Василису, но подходить, к счастью, не решалась. Господин Эрн сидел на крыльце, курил с задумчивым видом и в этот раз по-настоящему читал газету.

Василиса пыталась изобразить, что поглощена чтением физики. Но мысли то и дело возвращались к мальчику Нику, часикам и загадочному стиху-пароллю, который девочка иногда повторяла, на всякий случай.

Норту надоело играть в футбол. Бросив мяч далеко в кусты, он переключился на более интересное, на его взгляд, занятие: начал кидаться в Василису комьями влажной грязи, взятой с клумбы. Дейла, Эрик и Ноель присоединились к нему, и вскоре вокруг лавочки засвистели опасные земляные шарики. Когда особенно большой комок грязи попал прямо в учебник, которым Василиса прикрывала лицо, она не сдержалась. Отлепив комок от обложки, Василиса послала ответный удар и попала Дейле в глаз, хотя, в общем-то, целилась в Норта, но последний успел пригнуться.

Вот тогда вмешалась госпожа Азалия и увела двойняшек, а вместе с ними и Эрика с Ноелем куда-то в дом.

Василиса подозревала, что на обед, и это окончательно подтвердилось, когда через минут сорок вышли Норт, довольно поглаживающий себя по животу, и Ноель, громко отрыгивающий.

Когда небесную синь наконец-то приглушили вечерние краски и ленивое майское солнце подошло к самому краю горизонта, Василисе до чертиков наскучило сидеть на лавке. Эх, если бы не господин Эрн, которому почему-то не надоедало крыльцо, газета и сигары.

И вот когда почти стемнело, Василиса услышала радостный писк Дейлы:

– Отец приехал!

Девочка тут же встрепенулась. Меньше всего на свете она хотела бы попасться на глаза Нортону-старшему. Пока все радостно кинулись к воротам, чтобы встретить отца, и даже господин Эрн покинул свой пост, Василиса незаметно проскользнула в дом. Она намеревалась добраться до комнаты и сделать вид, что уже спит.

По пути она не удержалась и заглянула на кухню. И вот чудо! На столе возвышалась огромная ваза свежее испеченного глазированного печенья. А рядом никого не было.

Соблазн был слишком велик!

Быстро оглянувшись, Василиса набрала полные руки печенья и пулей понеслась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Но пробраться незамеченной ей не удалось. Окрик Нортон-старшего застиг ее на середине лестницы:

– Василиса!!!

От неожиданности девочка споткнулась и выронила все печенье. Оно весело поскакало по ступенькам, прямо к ногам озадаченного отца.

Воцарилось гнетущее молчание.

Василиса так и стояла на лестнице, а снизу на нее взирала вся семья. Нортон-старший нахмурился, лицо няни стало розовым, и лишь Норт с остальными детьми радостно ухмылялись, предвкушая интересное зрелище.

– О боже! Она стащила печенье! – наконец нарушила тишину госпожа Азалия.

Василиса промолчала, чувствуя, что лицо предательски меняется, приобретая помидорный оттенок.

– Что еще можно ожидать от фейры?.. – раздался вкрадчивый низкий голос. – Малодушные, слабовольные создания.

Василиса подняла голову и чуть не свалилась с лестницы, встретившись глазами с Еленой.

Женщина была одета в зеленое бархатное платье, длинное и пышное, и такого же цвета изящную широкополую шляпу с белым пером. Рядом с ней стоял улыбающийся Марк. На нем были простые джинсы и вязаный голубой свитер, и потому его одежда как-то резко контрастировала с чопорным нарядом Елены.

– Вороватые и бесхарактерные существа эти фейры, – подхватил реплику Елены Марк и осклабился.

– Я думаю, – медленно произнес Нортон-старший, – что не стоит портить такой важный вечер из-за глупого поступка... Всем в гостиную! – обратился он к детям.

Те, немного разочарованные, повиновались. Василиса осталась стоять на лестнице.

– Все в гостиную! – повторил отец, глядя на Василису.

На секунду глаза их встретились, и девочке захотелось стать очень и очень маленькой, чтобы спрятаться от холодного отцовского взгляда куда-нибудь подальше.

– Азалия, – обратился к няне Нортон-старший, – все готово?

– Да, господин, – подобострастно прошелестел нянин голос. – Все убрано соответственно случаю, камин давно растоплен, сундучок на столе...

– Прекрасно, Азалия, вы можете идти, – кивнул Огнев. – Елена, пройдите с Марком в гостиную, я буду через миг...

Елена легко кивнула и, больше не обращая на Василису внимания, пошла по коридору. Марк послушно последовал за ней.

Василиса осталась с отцом наедине.

– Что ты наделала? – тихо произнес отец и шагнул к лестнице. – Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

– Я сейчас все уберу. – Василиса быстро спустилась вниз и собралась уже подбирать раскиданное по всему полу печенье, как вдруг отец грубо схватил ее за руку.

– Я не об этом дурацком печенье, – прошипел он ей в ухо. – Я знаю, что кто-то лазит там, где не следует!

– Я не понимаю, о чем вы говорите... – Василиса старалась высвободиться, но отец сам резко отпустил ее, и девочка еле смогла удержаться на ногах.

– Не понимаешь... – Нортон-старший продолжал сверлить Василису взглядом. – Ты вчера вечером была в библиотеке?

– Нет, не была... – Девочка низко опустила голову.

– Дейла мне сказала, что хотела спросить тебя о чем-то, но не смогла найти.

– Я была в саду. – Василиса старалась выглядеть честно. – Мне не хотелось разговаривать ни с кем... тем более с Дейлой.

Отец хмыкнул.

– Не жалуют тебя сестра с братьями, да? – Он насмешливо скривился. – Норт говорил, что и в школе у тебя нет друзей... Ты плохо уживаешься с людьми, что неудивительно.

– Может, это из-за того, что родной отец подает им плохой пример? – выпалила Василиса.

Она в страхе закусил губу.

Взгляд отца потемнел.

– Ты слишком любопытная... задаешь глупые вопросы. – Он снова скривился. – Я последний раз спрашиваю, как ты пробралась в тайный ход? А особенно – как смогла выбраться обратно?

– Я ничего не знаю... – При упоминании о тайном ходе сердце Василисы учащенно забилось. – Я гуляла в саду, честное слово...

– Ты не могла быть снаружи! – взорвался вдруг Нортон-старший. – На двери охранный эфер, и ни один... – Он осекся.

У Василисы округлились глаза:

– Что на двери?

– Ничего. – Отец хмуро взглянул на нее. Внезапно лицо его посветлело: – Узнаешь?

И отец сунул ей в руки... маленькую заколку-гребень с синим цветком.

У Василисы все поплыло перед глазами: она поняла, что забыла заколку перед зеркальной дверью.

– Ну! – Глаза отца торжествующе блеснули. – Что теперь?

Василиса решила тянуть до последнего.

– Спасибо, – сказала она убитым голосом, – и где же она была?

Некоторое время отец с дочерью молча смотрели друг на друга. Внезапно Нортон-старший резко шагнул к Василисе и, больно захватив прядь ее волос, заколот их гребнем.

– Хорошо. – Он задумчиво оглядел дочь. – Сейчас и так все прояснится... Что с тобой?

Василиса изо всех сил старалась задержать катившиеся из глаз градины.

– Неужели это слезы? – холодно спросил Нортон-старший и вдруг присел перед ней на колени. Глаза его насмешливо сузились.

Неожиданно отец ласковым жестом взял ее руки в свои. Его ладони были холодные как лед, и Василису озноб пробрал по спине. Ей стало по-настоящему страшно.

– Так жалко себя, да? – Голос отца прозвучал вкрадчиво, даже издевательски. – Вокруг незнакомые люди, говорят странные вещи... И конечно, надо во всем разобраться, проследить, подслушать, подсмотреть.

При этих словах губы у Василисы предательски задрожали.

– Ужасный отец, – продолжил Нортон-старший, – а еще эта Елена... она кажется тебе сумасшедшей? А ведь ты ей не нравишься. Очень не нравишься... Может, она даже хочет убить тебя. Почему ты вздрагиваешь? Тебя это страшит?

– Да, страшит... – тихо произнесла Василиса. – Мне всего двенадцать, и меня это страшит...

– Тебе уже тринадцать, – равнодушно поправил отец. – Что поделывать, настали смутные времена, многие из нас не доживают и до этого возраста... – Отец хмыкнул. – Кто знает, может, твои неприятности только начинаются. Так что бояться пока рано... Рано.

Василиса громко всхлипнула. По сути, она ведь действительно была тринадцатилетней девчонкой, и слова отца сильно встревожили ее.

– Отпустите меня, – неожиданно попросила она. – Я не хочу находиться здесь. Я уйду.

Нортон-старший прищурился.

– И куда, позволь спросить?

Василиса неопределенно пожала плечами, думая, что Лешка поможет ей первое время устроиться, переночевать где-нибудь, а потом... Лишь бы выбраться отсюда.

– Я не могу тебя отпустить, – сучающим голосом произнес Нортон-старший. – Видишь ли, как только ты выйдешь за ворота, тебя сразу же убьют.

– Почему? – изумилась Василиса. – Я никому ничего плохого...

– Разве для того, чтобы кто-то желал твоей смерти, обязательно сделать что-то плохое? Знала бы ты, – задумчиво добавил он, – как ты нам всем мешаешь...

– И моя мама тоже мешала? – внезапно обозлилась Василиса. – Что с ней случилось? Она тоже умерла?

Отец замер. Василисе вдруг показалось, что он впервые заглянул ей прямо в глаза.

Воцарилось молчание. Стало так тихо, что Василиса слышала, как бешено стучит ее сердце.

– Твоя мать... О да, она еще больше мечтала бы избавиться от тебя, чем я. – Отец улыбнулся как ни в чем не бывало. Но в черных зрачках его глаз заблестели злые огоньки. – К счастью, – добавил он, – она умерла вскоре после твоего рождения. Сразу после того, как сбежала. Но успела подкинуть твою маленькую душу под дверь.

– Иногда мне кажется, – вдруг произнесла Василиса, – что она... Мама не умерла.

Возникла пауза.

– В этом случае для тебя было бы лучше обратное.

Василиса дернула головой, но сдержалась. Да, такого ответа она не ожидала.

– Сегодня ты пройдешь испытание на часовую степень, – продолжал Нортон-старший. – И я бы хотел, чтобы ты оказалась просто фейрой, не способной к часодействию... Но если у тебя проскользнет хотя бы вторая степень... Значит, такова твоя судьба.

И отец вновь усмехнулся. После чего встал во весь рост и заложил руки за спину.

Василиса внезапно успокоилась.

– Странно, – она поглядела отцу прямо в глаза, – что Марта Михайловна попала в больницу тогда, когда ты захотел обо мне вспомнить.

Она и не заметила, как перешла в разговор с отцом на «ты».

– Ничего странного, – заверил Нортон-старший. Его взгляд устремился вдаль, куда-то мимо Василисы. – Простой расчет. Тому, кто знает секреты времени, легко управлять чужой судьбой.

– И своей? – вырвалось у Василисы. Она даже удивилась, что так сказала.

Светло-серые глаза с широкими темными зрачками опять сфокусировались на ее лице.

– И твоей.

Василиса неожиданно громко икнула.

– Вспоминают, – произнес Нортон-старший без тени улыбки на лице. – Попрошу в гостиную. И быстро, пока я действительно не разозлился.

Василиса мотнула головой и прошмыгнула в коридор, прилегающий к гостиной. Отец бесшумно последовал за ней.

Глава 4

ЧАСОВОЕ ЗЕЛЬЕ

В гостиной царил тишина, лишь весело потрескивал камин да тикали изящные часы-домик на стене. Василиса с удивлением оглядывалась: от вчерашнего праздника не осталось и следа. Мало того, комната вновь уменьшилась до привычных размеров, а если точнее – стала раз в десять меньше, чем на балу. Неужели дело только в зеркалах? Но куда же делись огромные хрустальные люстры со свечами?

Теперь здесь находился все тот же диван, накрытый синим плюшевым покрывалом, три больших кресла возле самого камина и кофейный столик в углу. На полу между ними была расстелена бурая медвежья шкура с темными подпалинами. А ведь вчера в этой зале танцевало несколько десятков пар...

Василисе очень хотелось поподробнее расспросить, как такое возможно, но она не решилась. Казалось, воздух уплотнился от витавшего в комнате напряжения.

Елена сидела в кресле, аккуратно расправив складки изумрудного платья. Марк восседал рядом на трехногой табуретке. Сложив руки на груди, он со скучающим видом рассматривал единственный канделябр на потолке.

Напротив этой парочки разместились на диване все дети. Они выглядели необычно притихшими. Госпожи Азалии и господина Эрна не было: вероятно, прислугу не пустили на столь торжественное мероприятие.

Но в комнате присутствовал еще один человек. Он расположился возле самого камина в углу, за креслом Елены и, кажется, дремал. Одет незнакомец был странновато: в серый потрепанный плащ-накидку и чудную шляпу с широкими полями, на три четверти скрывавшую лицо.

На появление Василисы никто особенно не отреагировал, только Норт ехидно прищурился, заметив ее подпухшее лицо. На диване оставалось свободное место, рядом с Ноелем. Девочка хотела присесть рядом, но младший брат широко расставил руки, занимая все свободное пространство. Это удалось ему без труда, ведь он был весьма крупным мальчиком. Все остальные захихикали, и даже Елена слегка улыбнулась. Человек в шляпе не шевельнулся.

Василиса, стиснув зубы от злости, просто встала рядом. Честно говоря, она уже еле держалась на ногах: волнения этого дня давали о себе знать, кроме того, ужасно хотелось есть. Но она не могла не заметить, что Эрик вел себя более чем странно: что-то шептал Норту, подобострастно заглядывая ему в глаза, будто и не дрался с ним утром в библиотеке. Создавалось впечатление, будто сцена утренней драки начисто вылетела у него из головы.

Вошел Нортон-старший. Не говоря ни слова, он кивнул человеку в шляпе, который даже чуть привстал в знак приветствия. После отец шепнул что-то Елене, и она сердито качнула головой. Нортон-старший еще что-то тихо добавил, а затем, облокотившись на спинку ее кресла, обратился к детям.

– Наступил важный вечер, – начал он. – Вечер, который изменит вашу жизнь... Будем надеяться, что к лучшему. После сегодняшнего дня Эфлара наконец-то откроется для нас. После долгих двенадцати лет... Господин Мандигор! – Нортон-старший указал на человека в углу. Тот слегка приподнялся и кивнул собравшимся. – Господин Мандигор засвидетельствует

результаты посвящения официально. Помимо этого, сегодня окончательно прояснится право наследия.

– Наследником должен быть Норт, – вмешалась Елена. – Я уверена, что часы лишь подтвердят это.

– А если нет? – произнес Норт дрожащим голосом. Кажется, он сильно нервничал.

Все взгляды обратились к отцу, дети ожидали дальнейших его слов. Василиса, которой надоело стоять, незаметно присела на диванный валик.

Нортон-старший улыбнулся:

– Не бойся, Норт... Я уверен, что ты покажешь блестящий результат. Вы уже знаете, что в нашем роду, из поколения в поколение, передается некая сила, – продолжил отец. – Особая, удивительная. Обладать ею – редкое счастье, удел избранных... Бывает, что эта сила проявляет себя раньше, до испытания. Поэтому, согласно традиции, я должен спросить, не было ли у вас необычайных проявлений? При вспышке радости или гнева – неяркое свечение, россыпь искр, а может, нечто похожее на огненные цифры? – Он медленно обвел детей взглядом.

Василису вопрос застал врасплох, потому что она плохо слушала, все еще переживая недавний разговор с отцом.

– У меня такое было, – внезапно сказал Норт, – сегодня. После того... м-м-м... В общем, я немного разозлился, мои ладони вдруг стали очень горячими и как полыхнули фиолетовым огнем! Честно говоря, я... даже немного испугался.

Нортон-старший обменялся с Еленой быстрым взглядом. Лицо женщины осветилось радостной улыбкой. Марк присвистнул, за что получил от госпожи Мортиновой строгий взгляд. Человек в кресле одобрительно крикнул.

Странно... Уж не после драки ли Норта «озарило»? И что значит, интересно, этот фиолетовый огонь? Само собой, Василиса не задала вопрос вслух, хотя ей тоже захотелось рассказать о своих мерцающих ладонях и цифрах, окрещенных Эриком часовым флером, чтобы стереть с лица Норта самодовольную улыбку.

– Больше никто не испытал столь радостного знамения? – Нортон-старший обвел детей взглядом и остановился на Василисе.

– В моей жизни никогда не было радостных знамений, – ответила ему Василиса. – Особенно в последние месяцы.

Ничего она не будет рассказывать.

Елена скривилась и вопросительно глянула на старшего Огнева: мол, не много ли позволяет себе дочурка?

– Ну что ж... – Отец отвел взгляд, обошел кресло Елены и приблизился к столику. – Тогда начнем испытание...

Только теперь Василиса заметила, что на маленьком столике возле камина стоит объемистый черный сундучок на четырех изогнутых ножках, с красивой резной крышкой. Отец нажал на крышку, и она открылась с легким щелчком. В середине, на мягком яркосинем бархате, лежала большая пузатая бутылка из темного стекла и несколько серебряных кубков.

[Купить полную версию книги](#)